

СМЕНА

14
1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Энергично. Темп марша.

В..... В.....

mf Хор *crescendo*

Над мостами Ду.на.я встань, заря моло.да.я, —

сольно

Ве.на песней встречает друзи в добрый час. Но

ес.ли друзьями не станем мы сами, кто станет друзьями за нас?

Хор

Кто ста.нет друзья.ми за нас?

У.не не бывать ни,когда!

ПЕСНЯ ДРУЖБЫ

Слова Т. НИКОНОВОЙ.

Музыка Г. ГРАНЧИНА.

Над мостами Дунай
Встань, заря молодая, —
Вена песней встречает друзей в
добрый час.
Но если друзьями не станем мы
сами,
Кто станет друзьями за нас?
Кто станет друзьями за нас?

Чтобы споры уладить,
Барыня лидер не надо.
Нашим судьбам мы сами решаем
сейчас.
Но если не ты и не я не поладим,
То кто же поладит за нас?
То кто же поладит за нас?

Верь: союз наш надежен.
Мир в руках молодежи.
Небу синему быть, как Лунная вода!
И если мы силы свои дружноюим.
Войне не бывать никогда!
Войне не бывать никогда!

Павло Цыбульский

ДУНАЙСКИЕ ВЕТРЫ

Рассказ

Рисунок А. Дурье

Серый рассвет едва пробивается сквозь круглые окошечко будки, пристроенной к опоре моста на берегу Дуная. Неугомонные осенние волны, набегая на волнорез, приглушенно шумят за стеной.

Еще темно, но Конрад Брюкман уже свесил с кровати худые ноги. Не спится. Мост каждая косточка — должно быть, и непогода. Да и как не мять, старым костям! Нелегкую жизнь прожил Конрад, много трудов и горя вынес на своих плечах, пора бы и на отдых... Ведь если, к примеру, сложить все те метры-километры, по которым он взад-вперед прошелся метлой, получится такая дорога, что и конца ей не будет... С так пор, как Конрад унаследовал от отца эту бесконечную должность, минул не один десяток лет. Мост через Дунай тогда был еще деревянным, и по нему важно разезжала в дощечной карете узкий император... Дед и прадед Конрада тоже дворничали на мосту. Говорят, что от этого занятия и произошла их фамилия — Брюкманы!

...Не впервой старому Конраду подыматься спозаранку. Он уже давно привык вставать задолго до того, как просыпается Вена. На мосту, на подъездах к нему не должно быть ни одного окурка, ни одной соринки. Нужно, чтобы первые пешеходы, трамваи, автомобили прошли по чистому и влажному асфальту. Так оно всегда и бывает. Никто не может упрекнуть Конрада Брюкмана в плохой работе. Еще бы! Метать метлой, переставлять поливальные шланги — это же хлеб! Есть, конечно, машины, но в магистрате говорят: к машине нужен и шофер, и оператор, и бензин... да и мотор не вечный, ремонта требует. А дворнику двести шиллингов в месяц, брезентовый фартук один на три года, медная жестянка на граву, и все.

Но зачем жаловаться! Имеет он уголок под мостом, и то хорошо. Газовая лампочка, отопительная батарея — разве это не даром? Возле крана — бесосеженный кафель. Что, ни говори, а живешь ты, Конрад, можно сказать, даже с комфортом...

На столе старый будильник с кукушкой сонно отсчитывает минуты. Брюкман хорошо помнит, как Трудя принесла этот будильник в сумдучке, обитом медными гвоздиками. Она несла его в одной руке и очень смущалась, когда Конрад пожелал ей помочь. Глупенькая, разве он не знал, что у нее за приданое?

Тогда Брюкман жил не под мостом, а в подвале утлого дома, от которого теперь осталась только грудка обломков. Под самыми окнами катил свои воды Дунай. Случалось, что волной разбивало стекла, комнату заливало. И все же то были иные времена...

Брюкман посасывает пустую трубку и забывает, что его босым ногам холодно, что пора надеть ботинок.

...Такая, работачка Трудя принесла с собой милый уют. Каждый уголок, каждый гвоздик имел свое назначение. На подоконниках стояли рядом горшочки с цветками, на столе лежала стиральная-перестирывающая скатерть с вышитыми словами: «Бог любит согласие в семье». В коридоре громоздился

плиты, с полочек улыбались запаянные, всегда до блеска начищенные кисточки. Над ними Фансовые баночки с синими надписками: «Соль», «Мука», «Сахар», — эта, последняя, правда, была чаще всего пустой, и Трудя только поглаживала тепленькую головку сына, когда тот просил такой малосенный кусочек сахара, как половника его пальчика... Как незаметно изменила Трудя весь уклад их жизни, а потом без единого упрека, даже виновато закрыла глаза...

Годы согнули спину, покрыли голову седной. Неумолимо время усмыслило горе. Подрост Эмиль, и для него надо было жить.

Смугу шел уже семнадцатый год. Однажды механик буксирного катера, молчаливый и сердитый на весь мир человек, встретил Конрада, сказал: «Ну, пришел конец вашей дворничьей династии. Из Эмиля такого, пожалуй, толк выйдет... Ляжет у него душа к машине. Вот имя у него только бабье. Ну, ну, не обижайся, это так, к слову пришлось. Сдаст экзамены на механика — про магарыч не забудь».

Но вышло все по-иному. Механика отпра-

Протетари всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ. Июль, № 14, 1959 год.

Год издания 36-й.

¹ Die Brücke — мост (нем.).

вили на фронт, а машина с катера пошла на металлосом.

...Уже пережили все пятьдесят три налета американских бомбардировщиков. И вот настала ночь осады Вены.

Содрагалась, стонала земля. Отступая, гитлеровцы цеплялись за каждый дом, за каждый подвал. И гнались за убийцами мим же оставленные огненные выкри, точно желая выречь их следы.

Не удержались фашисты и на обводном канале, но спасли их и взорванные мосты. После того, как отступавшие беспорядочной серой лавиной откатились за Дунай, в городе наступила нуткая тишина. Пылали здания, отражались кровавыми полосами в водах Дуная.

Конрад напряг, как только мог, зрение и наконец заметил: по обочине моста, прижимаясь к парапету, веровало крапиво трое. Через минуту первый, пригнувшись, отбегал в сторону, открыл люк и опустил туда продолговатый ящик. Двое других опустились также же ящики во второй и третий люк. Потом все трое заспешили назад, оставив за собой черной шур.

Не успел Конрад опомниться, как Эмиль, пробежав сотню шагов вдоль парапета, камнем упал на асфальт и пополз к люку.

Кринути! Вернута! Услышит те трое. Но разве можно тут удержаться! Замаяла руками, как птица крыльями, и закричала что было силой:

берегу без шапки, с распрямленной головой. Брел, не разбирая дороги, вниз по течению Дуная. Ботинки скользили на мокрых камнях. Уже причало Пратера чь-то рука коснулась его плеча.

— Конрад! — послышалась сзади. Перез ним стоял, опираясь на палку, Ганс Грубер, старик пристани.

— Конрад! — Эмиль! — Ганс обнял голову. — Таин... дело первого причало... Советский воин вынес его из воды.

... Часто оживает в памяти та апрельская ночь. Часто астет вперед глазами бледное черноты лица. Эмиль не утонул, его спасла фашистская лавина на груду под обломками черным ступком спелклся струившаяся из раны кровь.

Брюкман смахнул слезу, набегающую на ресничку, и, старчески крхята, встал с постели.

Еще вспомнилось, как он со злобостью сбивал молотком медную дощечку с черными колокольчии готическими буквами: «Reichsbürger»¹.

Нагрянул дождь. Лето выдалось жаркое: заглядывает солнышко в щели, а через час, сморщив, небо затнуто тучами, и обильный дождь шумит на мосту. Не приходится таскать резиновые рукава, чтобы поливать мост; так-то оно, может, и лучше, но во время дождя ломит спину, болят ноги: реалитизм не дает покоя.

Брюкман не стал ждть, пока прекратятся дожди, и, напялив залатанный брезентовый плащ, взял метлу, затопал по лестнице наверх. Всео жизнь он метет, метет, чтобы людям приятно было ходить по чистым, блестящим тротуарам, чтобы никто не мог сказать, что на мосту, где хозяйничает Брюкман, нет порядка. Мост этот ему теперь так дорог... Дороже всего... Ходят по нему хорошие люди, несчастные. Кто расклинается, кто только головой кивает, а кто и вовсе не замечает его все эти тридцать лет, словно он, Брюкман, какая-то гайка на мосту. Ну, да бот с ними, ходит по мосту и разная сволочь. Метлою бы ее в Дунай вывел, как эти вот окурки, конфетные этикетки, занесенные сюда ветром.

Но разве закажешь кому дорогу? Прежде чем приступить к работе, Брюкман, как всегда, постоял, подумал, похлопал трубой. Потом не спеша подошел к месту, откуда Эмиль упал в яму, поглядел на темно-зеленую воду, тжело вздохнул.

Ветер хлестал холодным дождем, метался меж старых балок, и мост, словно вторя ему, глухо и тоскливо гудал.

Конрад засунул потесную трубку в карман и широко взмакнул метлою: надо поторалпываться, сегодня по мосту должны пройти гости Вены...

Уже несколько дней по улицам города расклинаются голосистые стации деуэжы и юношей, смежавшихся отосудко, чтобы сказать всему миру, что они хотят жить, не ведая страха войны.

Вчера Конрад видел и смуглых, и черных, и белокурых ребят, которые, взвизгнув за руку шака с конюхой, асстала, в своем родные братья и сестры, хоть и говорят на непонятных друг другу языках. Сегодня они динутся на Пратер. А идти туда — моста не миновать.

Ветер разогнал тучи и принялся помогать Конраду: легонечко подувая в спину, выслушал мокрый после дождя асфальт.

Позаванная, не мст выехала трамвай, за ним вышол автобус из Штоккерау. Потнувшись к раниии поездам железнодорожники Саверс-Зальде асстала. Застучали каблучками школьники, нарочито громко ступая по звучным стальным плиткам, выстукивая палочками по ограде. Сегодня «сердитый дед Конрад» на них не покривил, не обидел надуть уша. Ребята отодстнуи, он вышел на край моста, поставил метлу, бросил на парапет плащ, вытер лоб.

Людской поток постепенно склхнул, мост опустел: господа адвокаты, биржевые маклеры, шэфы бюро, контрол в это время еще только затрават.

Сверкали на солнце нанчищенные перила, с реки подымался легкий туман. Брюкман

— Сынок! Скорее, скорее! Поторонись, Эмиль!

Припнел глазами к люку, от которого черной змеией вылетел смертоносный провод. Эмиль приближался к нему. Сердце Конрада гулко стучало. Перед глазами мелькали красные круги. Может быть, сейчас... может, в этот миг рука негодяя включила рубильник, и по проводу метнулась искра...

Вспрыгнул через ограду перекинувшаяся чья-то нога в сапоге. Еще миг — и радом с Эмилем очутился другой человек. Незнаестный, словно скроенный из резины, упруго выгнулся, прыгнул, нагнулся, и отрезанный им кусок кабеля полетел в Дунай.

Над мостом, тут же засмеистели пудл. Смелчак приржался к чугунной ограде.

Эмиль бросился за ним, но покачнулся, сделал еще один шаг и, навалившись животом на парапет, повис над Дунаем. Незнаестный подскочил к Эмилю, быстро перелез через ограду, рванул его за плечи, и оба свалились в темь реки.

Конрад, кажется, еще слышал грохот за спиной, но в глазах адрог потемнело, и он упал, потеряв сознание.

А по мосту уже шли русские танки. За ними двигались колонны автомашин. Шла пехота.

От утрянней прохлады и рев моторов Конрад Брюкман пришел в себя. Брел по

Конрад с сыном укрылись под мостом. В ногах у них были сложенные подушки, одеяло, сверток с пожитками — все, что успели захватить, ломидра поддал: огонь уже рвался в оне.

Вверху глухо гудал мост, точно сердясь, что ему приходится подставлять свою спину чувствителам. Но вот гудение начало отделяться, стихать.

Еще невозможно подождать и поднялись наверх по узким бетонным ступенькам.

На мосту было пусто. Пламя пожара тускло отражалось в металле. Еще не выветрился тяжелый сырда пороха, бензина, тротицной гарн. Вдруг Эмиль, шедший впереди, сжал руку Конрада и обдал его шею горячим шепотом: — Гляди...

¹ Имперский мост.

накинул на руку намокший плащ и направился к своей будке. Вдали, на противоположном конце моста, показалась юноша. Он остановился, постоял и двинулся дальше по правой стороне.

— Уж эти маленькие парни! Знает же, побортит задки, что движение двесторонне, а претса по правой стороне! — буркнул Конрад себе под нос.

Парень прошел еще немного, облокотился на перила и, глядя на реку, закурил.

— Вот я тебя покурю на мосту! — сердито проворчал Брюкман и ускорил шаг. Не дойдя до незнакомого, остановился. Юноша заметил старика, обернулся, ветер заиграл его черным чубом, разглядел лепестки красного мака на отлете поджарка.

— Доброе утро, — промолвил парень, приветливо блеснув черными глазами.

— Утро-то добро... Но тут не кафе... — Конрад искоса посмотрел на сигарету. Юноша улыбнулся и поставил перламутровым мундштуком по перилам: дескать, железо не загорится.

— Йелазо — конечно, но руки мои не жеманьи. — Брюкман кинул на мосту. Парень не понял, раскрасил портсигар и предложил Конраду закурить... Нет, этот, видимо, не из тех прилизанных, напыщенных повес, которые по вечерам заполняют рестораны.

— Как далеко будете? — спросил Конрад, чтобы как-то загадать свою вину.

Парень сделал широкий жест, повел рукой куда-то за Дунай.

Брюкман молча прикурил. В знак благодарности за ладиросу слегка приподнял шляпу. Кивком попрощался с юношей и пошел, раздумывая. Эмиль одних с ним нет... Нет, вероятно, был моложе... Еще раз обернулся. Парень был уже далеко. Тучи снова заволокли солнце.

В будке Конрад долго сидел, сгорбившись, не снимая мокрой шляпы, продолжая держать метлу в руке.

Тикал будничник. Дважды или трижды прокрутила крутилка, а сердце все больше смыкалось от неутешного гора: Эмиль...

Прекратился дождь, и утих ветер. В краешек она заглянула солнце, солнечный луч заиграл на кафеле под краем.

Брюкман почистил старую, порывающее ботинки, надел свою черную парю. Забыл, что ей добрых двадцать лет, и лиджик тонко затрещал где-то под мышкой...

Ни на кого не глядя, медленно шел бергом вина по течению, затем свернул на тропинку. Вдали показалась посереженной деревянный крест, гранитная плита. Снял шляпу и теперь только заметил, что поодаль, тоже с обманной головой, стоит Ганс Грубер. Стоит, не видя его и смотря на плиту. На черноватом сером камне головками к кресту лежат два красных мака. На душе у Брюкмана вдруг стало так легко, как бывало в детстве, когда мать с озабоченным видом прикашала ладонью ко лбу...

Слушая старческие слова... С реки налетал порывистый ветер. Где-то совсем близко тишину пронизал гул пародора. Конрад поднял мокрые глаза, посмотрел на Ганса. Тот понял немой вопрос.

— Какой-то парень... Черной такой, чубатый. Ходил по берегу с девушкой, все искал чего-то. Девушка спросила, не знаю ли я, где тут могила парня, который мост спасал...

— Может, это тот солдат, что вытаскил Эмиля из реки!

— Не знаю, Конрад... Тогда не разглядел. Брюкман стоял, держа в руке цветы. Поэтому осторожно-осторожно положила их на правое место.

Смеркалось. Конрад приближался к мосту, когда ветер донес оттуда шум молодых голосов. Он поднял голову; перед глазами все запылало, переливаясь красками, точно мистическую кто-то засыпал лепестками ярких цветов...

Это шли его гости, шли по мосту, вымывому дождем, овеванному теплыми ветрами...

Брюкман долго стоял неподвижно, слезы блеснули на его запястьях, щеках и старческой груди согрелся незримый, бесконечно дорогой огонек того полевого мака...

Перевел с украинского А. СЕМЕНОВ.

Вена. К этому городу приковано особое внимание миллионов людей всех континентов. Двадцать шестого июля здесь торжественно возлещат флаг VII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. В этот знаменательный день по площадям и улицам австрийской столицы начнется величественное шествие юности; в нем примут участие и восемьсот молодых певцов нашей страны. На шелковых стягах, которые они пронесут мимо трибун Большого венского стадиона, будут пламять слова «мира и дружбы» — слова, ставшие боевым девизом молодежи в ее благородной борьбе за счастливое будущее человечества.

С фольными душевным подъемом и волевыми готовности к фестивалю советские юноши и девушки — передовые рабочие и работницы, мастера высочайших умов, инженеры, ученые, артисты, композиторы, художники. В Вене их ждут интересные знакомства, братские рукопожатия, захватывающие зрелища, задушевные беседы с зарубежными друзьями.

Сегодня «Смена» публикует снимки, на которых наши фоторепортеры запечатлели этих юношей и девушек в предфестивальные дни в Москве, Ленинграде, Киеве.

Вот так же, как в своем родном Ленинграде, молодые артисты балета пойдут, обнявшись, по улицам австрийской столицы — города VII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Do Vienna В ВЕНЕ!

Фото Я. Поволоцкого. В. Савка и Ю. Шагамова.

Наряду с известными артистами Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. М. Кировского в Вену поедут и совсем молодые художественные искусства. На сцене выйдете Алау Грабосич и Рудольфа Гурева. Они исполнят фрагмент танца, который покажут на фестивале.

В жизни этого белокурого парня недавно произошли сразу два больших события: Вадим Тимофеев успешно закончил музыкальное училище имени Мусоргского в Ленинграде и вскоре после этого узнал, что он поедет на фестиваль. Наш корреспондент светотехникой талантливый балетиста незадолго до его отъезда в Вену.

Ими товари Ленинградского металлургического завода Михаила Ромашова известно во многих уголках нашей страны; его бригаде одной из первых в городе было присвоено высокое звание коллектива коммунистического труда. На фестивале Ромашов встретится с зарубежными товарищами по профессии...

А этот снимок сделан в московском клубе имени Зуева: последняя репетиция симфонического оркестра Всесоюзного районного комитета перед отъездом в австрийскую столицу. У дирижерского пюпитра — молодой музыкант Виктор Дубровский.

Над сценой Дирером зазвенели девичьи голоса. Это балеруштин Украинской республиканской труппы Валентина Пархоменко, Элеонора Пилипенко и Людмила Лисковская разучивают новую пьесу. Через несколько дней они сплут ее в Вене, на берегу голубого Дуная.

После игры в Касабланге. Местные болельщики пожелали сфотографироваться с советскими футболистами.

ОДИНАДЦАТЬ С ХТЗ

Признаюсь, когда я увидел в Касабланге разминку марокканских футболистов клуба «Рамка», первая мысль, которая пришла мне в голову, была: «Не туда приехали харьковчане: поединки с опытными, техничными игроками будет им не под силу».

В самом деле, футболисты клуба «Рамка» успешно играли против таких всемирно известных команд, как бразильская «Атлетико Португеза», французская «Расинг», венгерская «Гонвед», австрийская «Ранде». На футбольных полях Маронно вырос целый ряд знаменитых игроков французских профессиональных команд, а том числе и лучший «капитан» шведского турнира Мюст Фонтан.

Короче говоря, когда наши заводские спортсмены в своих красно-голубых футболках вышли на поле, настроение у меня было неважное. Начиная с тренера команды мастер спорта Дмитрий Николаевич Васильев.

— Запасаясь папиросами, — сказал он мне.

И вот мы сидим с ним на изнеженной скамье возле боковой ли-

нии поля и не спускаем глаз с быстрых и вертких арабов.

Обычно мне приходилось смотреть на игру футболиста с трибуны, сверху. Сейчас позиция моя несколько необычна, и рисунки игры мне не видны. Но хорошо видно другое: смуглые спортсмены в зеленых футболках обмывають ладони ревом.

Быстро тает папка папирос... Я бросаю тревожный взгляд на тренера и... вижу улыбку на его лице!

— Молодцы ребята! — шепчет он. — Выстояли Телеры вперед!

И, словно услышав слова своего тренера, футболисты Харьковского тракторного перешли в наступление.

Да, они выдержали трудный натиск. И когда волнение первых минут улеглось, когда они почувствовали, что противник не так уж страшен, заиграли свободно и уверенно.

Об этих одиннадцати игроках можно было бы рассказать много. У каждого из них своя судьба, свои планы и мечты. Уравновешенный и застенчивый капитан

нованки инженер Мухамед Садин, играющий под номером «8», мало похож по характеру на своего соседа — вспыльчивого, порывистого правого крайнего Владимира Фурсова; хитроватый, как говорят,

человек Галин ни в обыкновенной жизни, ни на футбольном поле ничем не напоминает своего простодушного товарища Владимира Солодовникова. Но на поле один

дополнял другого, и не только дополнял футболистов — одиннадцати интересных, новых людей вели смелую, красивую игру.

Немало было не проникуемых уважением и эти славными рабочими парнями, многим из которых не исполнилось и двадцати лет. Они не растерялись, когда во втором тайме противник поменял свое

игровое и составные пришлось вест, в сущности, с новой, свежей командой. Мне вспоминается и другой случай, свидетельствующий о выносливости и воле одиннадцати харьковчан. В городе Удде им пришлось играть после бессонной ночи, проведенной в тесном вагоне, но они сплотно, уверенные в своих силах, вышли на поединки с обладателями кубка Маронно — футболистами клуба «Мульдер».

И хотя на поле не было ни клочка травы, хотя шпыль бугт срезало

будто нандином, а судья попросту не давал играть, харьковчане везло, с азартом и на редкость дружелюбно по отношению и соперникам вели наступление.

Новелью напрашивается вопрос: откуда это высшее самообладание у молодых ребят, эта подкупающая сердце болельщиков игровая культура?

По специальности они товарищи, слесари, электромонтеры. Двое из них — Мухамед Садин и Евгений Догадин — имеют высшее образование. Но и остальные скоро его получат. Почти все в команде участв. Учатся в вечерних вузах и техникумах. Хрестоматия английского языка и учебники по автореу. «Сага о Форсайтах» Джона Гюлстори и «Воскресение» Л. Н. Толстого лежали в их чемоданах

рядом со спортивной формой. Я видел их в залах знаменитого Лувра. Вдумчивым, с блондинками в руках — как выделались они среди спущающихся мелодых «стариков», туго неважных разинку перед бесцеремонными творениями Леонардо, да Винчи, Веласкеса, Рембрандта.

Любовь и Знаниями, любовь и труду принесли они на футбольное поле, и потому играли весело, с туго неважных разинку перед бесцеремонными творениями Леонардо, да Винчи, Веласкеса, Рембрандта. И хотя на поле не было ни клочка травы, хотя шпыль бугт срезало

НА «БОЛЬШОМ КАПРОНЕ»

1. «БУДУТ ТРУДНОСТИ — ОБРАЩАЙТЕСЬ В ШТАБ»

Начальник треста «Стройгаз» так и говорил сорвавшимся в его кабинете инженером, программистом, строителями, управленцами и подсобными предпрятиями:

— Будут трудности — обращайтесь в комсомольский штаб. Ребята там сильные, помощники на стоянках.

Начальник комсомольского штаба стройки Виктор Молчанов, слушая это, слегка краснея и сдвигая брови, а его заместитель, одошамилец Виталий Молчанов, сидел спокойно, будто и не замечая похвалы.

Советание было сказано в связи с опубликованием в газетах сообщения о предстоящем Пленуме Центрального Комитета партии. Строителям хотелось приветствовать Пленум новыми производственными победами. И чтобы эти победы были значительные, в кабинете начальника шло разговоры и начитывались. Определялись слабые места, «прираливались к стенке» виновники, назначались жесткие сроки, ажурились резервы, высказывались и обсуждались предложения.

Когда совещание кончилось, Виктор и Виталий Молчановы отошли в сторону партера Барнаульского строительства № 1 Останков.

— Иван Тарасович, посоветоваться надо.

— Так ведь советовались. Только что...

— У нас особое дело. Думаем взять такое предприятие: пустить к Пленуму сероуглеродный завод. Остатком посмотрел на ребят серьезно, покачал головой.

— Очень трудно.

На следующий день штаб созвал внеочередное комсомольское собрание. На повестке был один вопрос о досрочном наусе сероуглеродного завода в честь июньского Пленума. Все понимали, что берется за очень трудное дело, но от сознания того, что оно трудное, было как-то очень хорошо на душе. Не за какую-нибудь мелочь взялись, а за настоящий, значительный подвиг: говорят родной партии!

Очень нехотки надвигались экзаменационная сессия в строительном институте, где на втором курсе заочного отделения учился Виктор Молчанов. Надо было идти в отпуск, готовиться к экзаменам. Конечно, и без него строительства ничуть не меньше, штаб будет работать не хуже, но оторваться от стройки в такое особенное время было тяжело.

За несколько месяцев своей работы здесь он успел привыкнуть к строительству. Стройка стала для

Виктора кровным делом, заботы и радости строителей — его личными заботами и радостями.

А ведь с чего началось? ...Это было совсем недавно. На очередном собрании комсомольской организации Барнаульского строительного управления кто-то из комсомольцев возмущенно сказал:

— А секретарю райкома Молчанову до нашей стройки и дела нет. На участках не был, трудностей наших не знает, точнее, не хочет знать! Если к нему обратиться, всегда одинаково отвечает: пусть, говорит, сами горком занимайтесь. А что горком, если мы в Октябрьском районе?

Выступавшего поддержали другие, и Виктор тогда после собрания ходил в плохом настроении. Он на самом деле считал прежде, что раз стройка городского значения, то и заниматься ею должен горком. Впрочем, он был не прав, конечно. Значение стройки несомненно. Это Виктор усвоил себе только сейчас, когда стал начальником штаба на строительстве Барнаульского завода синтетического волокна.

Завод этот к концу семидесятых будет целым комплексом различных химических производств, а пока действует один экспериментальный цех «малый капрон». Корпуса этих цехов теряться среди гигантских коробок еще не достроенных зданий, их заслоняют хоромами баньных крыш, экскаваторов, бульдозеров.

Первые дни Виктор с утра до вечера ходил по огромной территории стройки и все не мог разобраться, где какой объект находится. Правда, он ходил не один, а с корреспондентом комсомольской газеты «Молодежь Алтая», знающим по имени чуть не каждого строителя и великолепно ориентированным во делах стройки. Корреспондент обстоятельно вводил Виктора в курс дела. По странному совпадению фамилия корреспондента была тоже Молчанов и имя очень похоже — Виталий. Виталий возглавлял прежде комсомольский контрольный пост, который предшествовал на строительстве комсомольскому штабу. Но с тех пор как комсомольские обязанности Виталий перешел в состав заводской стройки всеобщей комсомольской, на нем потянулись молодежь со всех концов страны, фронт работы увеличился, и контрольный посту стало трудно справиться с новыми задачами.

Штаб организовали из четырнадцати человек. Виктора, раскрывающего за неимением к стройке, выбрал начальником штаба, заместителем — Виталий Молчанов. В состав штаба вошли комсомольские вожаки и переводчики

Смычон коснулся струн, и полилась чудесная мелодия... Елена Бунчинская, сопранка Киевской консерватории имени П. И. Чайковского, исполнит сейчас концерт, который через несколько дней услышит музыкальная Вена.

Можно не сомневаться, что юным посланцам мира понравятся арии и романсы в исполнении солиста Львовского оперного театра Владислава Арбузова. Молодой артист серьезно готовится к поездке в Вену.

Когда в Праге состоялся I Всемирный фестиваль молодежи и студентов, Зоя Христина было 15 лет. С тех пор в ее жизни произошли большие перемены: она стала солисткой Киевского академического театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко. На Венском фестивале Зоя Христина исполнит украинские и русские народные песни, арии из опер. На снимке вы видите артистку в роли Бинни в опере «Урачнение стропильное».

нам применить новый, своеобразный прием передачи мяча, как уже назавтра вся команда разучивала этот прием.

— Дмитрий Николаевич, разрешите испытывать его в ближайшей игре! — нетерпеливо просили молодые спортсмены своего тренера.

Подождите! Сначала разучим его до полного автоматизма, — отвечал Дмитрий Николаевич своим питомцам.

И здесь нельзя не сказать об их тренере, старшем товарище и наставнике. В прошлом отличный футболист харьковский и киевский команда, Васильев несколько лет назад окончил школу тренеров в Москве.

Дмитрий Николаевич побывал в Стогольме и Гетеборге, тогда там проходили игры чемпионата мира. Он привез из Швеции десятки снимков и зарисовок наиболее интересных игровых моментов. В том, что команда Харьковского транзпортного организованно по принципу лучших команд мира, большая заслуга тренера Д. И. Васильева.

Много по-настоящему хороших игроков в команде. Это с полным основанием можно сказать, например, о центре нападения Алексее Ахисенове или о левом инсайде

Петре Липтеве, который со страшной силой бьет по воротам с двадцати пяти — тридцати метров.

Правда, немногие любители футбола доводилось видеть таких удачливых стрелков...

— Команда успешно провела свои первые международные встречи в Мароне. Ее удалось одержать победу над сборной страны с убедительным счетом — 3:0.

А в Харькове футболисты идеала работа на родном заводе. Вернулся в металлургический цех Мухамед Садым, вновь приступил и свои обязанности конструктор Евгений Доганди. Только Левый крайний Александр Воронин, центральный защитник Анатолий Мерсоров и вратарь Евгений Владислав получили краткосрочные отпуска для сдачи экзаменов в вуз.

В дни VII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Вене будут и футболисты Харьковского транзпортного. Они знают много песен и умеют легко плясать. Они не прочь поспеть об интересной книге и о достижениях автомашинной новой марки. Но когда на венском стадионе прозвучит свисток судьи, они выбегут на поле, полные решимости одержать новые победы.

В. ПАШИНЧИН

производства. На первой же встрече члены штаба договорились провести несколько рейдов, чтобы выявить наиболее слабые места на стройке и в первую очередь направление деятельности штаба.

На строительство оказалось так много прорывов, что трудно было решить, за что взяться в первую очередь.

2. ДРУЗЬЯ ПОМОГАЮТ

Ис-таки в первую очередь занялись смену оборудования. Рейдовая бригада штаба доложила, что фронт работ на СЗСе сократился из-за отсутствия оборудования. Для оборудования печей нужно 16 реторты, а до сих пор не получено ни одной.

Комсомольцы выяснили, что, согласно договору с Ново-Краматорским заводом, реторты будут поставлены только в четвертом квартале, тогда как курс СЗСа по плану намечался на полгода раньше. Положение создалось трудное, требовалось срочно принять меры.

По согласию комсомольского штаба Виктор и Виталий написали письмо в Ново-Краматорский горком комсомола и в комитет комсомола машиностроительного завода. Как другим, они рассказали о недостатках оборудования со стройке, о том, как необходимо сейчас реторты. Без обиняков, прямо, по-комсомольски они попросили машиностроителей: «Потрудитесь! Возьмите изготовление реторт под свой комсомольский контроль и отгрузите их нам не в четвертом, а в первом квартале».

Ушел из Ново-Краматорска первый скорый. Заводской комитет комсомола заверил, что строители могут быть спокойны. Правда, они не брались переместить выполнение заказа на более ранний срок, комсомольцы же комсомола-рейдера И. Калининского обещала давать каждый месяц сверх плана по три реторты.

Действительно, в первых числах апреля пришли реторты. Комсомольцы ликовали. Больше всего на свете они ждали, что Ново-Краматорск далеко и что нельзя позвать ружья замечательным ребятам из бригады Калининского.

Первая любовь оказалась делом комсомольского штаба. Они почувствовали, что в каждом городе есть настоящие друзья, которые так же, как и они, болеют душой за работу на стройке. Связь с этими партиями о развитии большой химии. Виктор выяснил, какие еще заказы тормозят монтаж оборудования; штаб связался с комсомольцами Свердловского, Горьковского, Тамбовского, Пензенского и других машиностроительных заводов. Комсомольцы откликнулись сразу, забеспокоились, стали помогать барнаульцам.

3. ЗНАМЯ — ПОБЕДИТЕЛИ!

У комсомольского штаба много забот. Из одной из главных — забота о росте производительности труда молодых строителей, о качественной организации социалистического соревнования между бригадами. Итоги соревнования обычно подводятся на объединенном совещании комсомольского штаба и строителей. Комсомольцы бюро, в присутствии представите-

лей от каждой бригады. Поведение итогов производится тщательная проверка работы каждой бригады. Учитывается не только процент выполнения плана и качество работы, но и культура производства, знание комсомольскою конюшью, участие в слесарь бригады в рационализации производства, соблюдение правил техники безопасности, состояние трудовой дисциплины. Чтобы было что учесть (не по цифрам, а по существу), опытно-такти организуются рейды.

Когда первый раз готовились к подведению итогов соревнования, знамя победителей вывешивалось перед мастеру Люде Семеновичу поручил возглавлять одну такую рейдовую бригаду. Люда взяла фотоаппарат и вместе с Виктором Молчановым, помощницей Алой Калининской и секретарем комитета стройуправления Юрием Дубининым пошла по бригадам.

Лучшую по показателям бригаду камедю Митяя Бельзев застали на СЗСе в разгар работы. Только что подали раствор, и ребята трудились напряженно. Несколько часов назад они перешли на кровлю, а теперь так же выносили кланду, оставили мусор, битый кирпич, ошметки раствора, хотя сами же бельзевы отказались от обслуживания их раствором, в обязанности которых входила уборка. Очень хорошо, что отказались! Но нельзя же быть такими неаккуратными!

Люда сделала несколько снимков, и рейдовая бригада пошла дальше. На строительстве «большого» капрона так же выносили бытового помещения скупали девушки-штукатуры из бригады Александры Якушева. Не было раствора, и они не знали, что делать. А в самом конце, когда реторты только что оштукатурили, возмущалась груда мусора. Люда сфотографировала и мусор и девушки. Идеальная чистота была только у бетонщиков, в бригаде Владимира Бакланова. Участники рейда придирижно осмотрели участок работы бетонщиков, но за аппарат так и не взяли.

Фотодокументы были соответствующим образом оформлены. Ребята сделали к ним острые подписи и вывесили сатирическую фотозаписку в самом людном месте — заводской столовой. А через несколько дней в комитет результатов соревнования. И, как всегда, разгорелся споры. Самая высокая производительность труда оказалась в бригаде Константина Судачкова — 167 процентов. Но судачковские были случаи несоблюдения правил техники безопасности, и бригада не могла претендовать на первое место.

Бельзевы дали 162 процента, бригада Владимира Бакланова — 151, Юрия Якушева — 123, другие — меньше. Мнения разделились. Один считал, что, несмотря на фотобюллетень, первое место все-таки заслужили бельзевы; другой был категоричен, все условия соревнования выполняли. А мусор... Так ведь они убрал его в тот же день, и с тех пор на участке бригады идеальная чистота. Другие доказывали, что бригады Бакланова работали в более трудных условиях, что 143 процента этой бригады стоят тысяч долларов. Говорили и о том, что бельзевы, работая на высоте, не соблюдали правил безопасности, а это уже нарушение...

Дима Чернов, комсорг бригады Бельзев, и Вали Осипова, комсорг бригады Бакланова, слушая обсуждение, металы друг на друга убийственные взгляды, а когда началось голосование, оба победно кричали: «Вот сосчитай голоса «за» и «против» и победа у бельзевов! Дима. Зная при судили бригаде Бакланова. На следующий день в торжественной обстановке секретарь комитета комсомола Сергей Кузмины вручил победителям переходящее Красное знамя.

Конечно, ребята из бригады Бакланова торжественно заверили ассистента знамя у себя в комнате, насосели! Но тут выступил Дима Чернов и резко заявил, что пусть, мол, бригада Бакланова приготовится через месяц расстаться со знаменем, потому что бельзевы такого положения, как сейчас, не потеряют и все равно будут первыми.

Через месяц бельзевы действительно были первыми. Бригада Судачкова, имея великолепные показатели, опять «погорела» на несоблюдении правил техники безопасности.

4. ИДЕМ МЫ ДОРОГОЙ ПРАВИЛЬНО!

Зашел как-то в Красный уголок обслуживания №1 Иван Тарасович Остапенко. Ребята стали рассказывать о себе. Сначала похвастались: кто что купил, какие появились новые книги и какие интересные книги прочитаны. А потом стали жаловаться: книжку недостаточно, уборщица плохо работает в комнате. Иван Тарасович слушал и говорил:

«Это правда. В комнатах у нас грязно.

— Вызвать надо уборщицу, да и «проработать», — бойко предлагал Иван Тарасович.

Иван Тарасович понасмат глазами говорившего и неожиданно предложил:

«А не перейти ли нам, ребята, на самообслуживание?»

— Да мы что, девчонки, что ли? — возмущенно воскликнул сразу несколько голосов.

— Я тоже девчонкой никогда не был, — спокойно ответил Иван Тарасович, — а на фототе и стелой и тряпкой орудовав. Получалось...

Разговор этот остался незаконченным. Никто одобрения не выказал. Но из другой деи в комитет общественной безопасности обратился плотник Володя Когалев с необычной просьбой.

— Вы, Мария Антоновна, дали бы нам в комнату ведро, — сказал он, несколько смущаясь. — И тряпку тоже. Сами будем у себя убирать».

С этого дня ребята из первой комнаты во времена стали закрываться на ключ и, кто бы к ним ни пришел, не пускали. Скорее-коже все-таки узнал, что предлагается бытосета Володя Багдал и его товарищи Гена Крылов, Валерий Котандрев и Миша Попов по совету Остапенки перешли на самообслуживание. И скоро с такой же просьбой к Марии Антоновне пришла Волода Степов, Миша Лозин, Вена Блажих и Вера Вессолов.

Сначала на самообслуживание перешла двадцатая комната. И тогда было объявлено соревнование за звание комнаты коммунистического быта. Чистота это было не из условий соревнования. Победит та комната, в кото-

рой будут самые культурные, самые дружные, самые отзывчивые ребята. И сейчас в большинстве комнат не соседи, а друзья. Помогают друг другу учиться, читают по кругу один книги, покупают хорошие вещи, а вещи привозят, проигрывают... Фотоаппарат. Наручные часы и костюм тоже часто покупают сообща: в одну полочку — одному, в следующую — другому.

В заботах и тревогах прошла весна, кончилась жаркая ветреный июнь, и газеты принесли в Барнауле слова партийного Племуна. Ребята из комсомольского штаба читали материалы Племуна, отмечали для себя, чем нужно заниматься сейчас в первую очередь, чего, оказывается, они недоделали, что упустили. Но что сейчас, говоря о Племуна, он обменялся друг с другом примерно такими фразами:

— А ты на этот раздел, где о хвратии образования сказано, обрати внимание? Ведь мы, когда тебя просят, говорим, что-то так же думали. Поминишь...

Такое нельзя не помнить. Участники комсомольского рейда обнаружили на территории строительства под открытым небом на миллионы рублей несобраны лифтов, машин, стоек, мотора и запасных частей, полученных от разных заводов. Некоторые машины и аппараты пришли в негодность. И это не доделанный монтаж. Комсомольский штаб забыл тревогу, выставил требование о немедленном строительстве складских помещений.

Члены штаба читают материалы Племуна. Они высказались на своей коллективной мысленно оговора себе: «Все верно. Идем мы дорогой правильной!».

Да, строители Барнаульского химического завода идут в семилетнее здание, но не доделанный монтаж может привести толку к победе! А победа для молодых строителей — это будущий краснелес-завод — Барнаульский химический. В центре его огромный корпус «большого капрона». Сегодня в нем полным ходом идет монтаж оборудования. Тянется вверх фасадная стена, кладка кирпича будет закончена, сделана не для того, чтобы можно было поместить внутрь огромные машины и аппараты. Когда поминется стена до уровня верхнего этажа, лучший из бригад камедюшников выложит крышу кирпичом по бেলому, силикатному: «Всеозащитная комсомольская стройка».

Несколько в стороне от «большого капрона» поднимается корпус циталеского производства. Живые огромные поля еще пустой корпус целлофанового производства. Так же, как сегодня, будет работать пушенный в лет Племуна сероулетеродный завод, расширится производство в центре «большого капрона». По существу, к концу семилетки это будет крупный химический комбинат, имеющий большой удельный вес в химической промышленности страны.

Все это будет! И будет не к 1965 году, а значительно раньше. Так говорят руководители стройки, так говорят рабочие, так говорят в комсомольском штабе.

г. Барнаул.

ВЫСТАВКА ДОСТИЖЕНИЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Иностранцы туристы ни на минуту не закрывают объективы своих фотоаппаратов...

Во всех словарях мира на букву «с» можно найти три русских слова: «самовар», «Советы», «спутник». Эти три слова, как веки, обозначают громадный бросок, который совершила наша страна.

В конце прошлого столетия на Всероссийской промышленной выставке в Нижнем Новгороде как образцы промышленной продукции демонстрировались тульские самовары. В их янтарных медных боках как бы отражалась нищая Россия, над которой уже собирались тучи революции. И вот в октябре 1917 года грянул очистительный гром: народ основал первую в мире Рабочую Советов. Новый общественный строй высвободил и вызвал к жизни огромные творческие силы народа. Прошел короткий для истории срок — и весь мир с восхищением проносил уже одно русское слово — «спутник!»

Таков стремительный путь нашей страны: от отсталой, «самоварной» России через революцию,

Советы — к первым в мире спутникам Земли и Солнца; — от этого думать, когда осматриваешь Выставку достижений народного хозяйства. Территория ее огромна — 211 гектаров, но все равно нашим достижениям усомнито... А ведь Всемирная Брюссельская выставка, где располагались павильоны 54 стран, занимала меньшую площадь, чем занимает ВДНХ.

Гигантские размеры этого всесоюзного стенда! Вот несколько цифр: более трехсот различных сооружений, 71 павильон, из них 18 организованы вновь. Только в разделе промышленности и транспорта — 36 тысяч экспонатов, среди которых 3 600 крупных машин, станков, действующих моделей. А в сельскохозяйственном секторе выставки представлены 500 тракторов, комбайнов и других мощных помощников человека в его борьбе за высокий урожай.

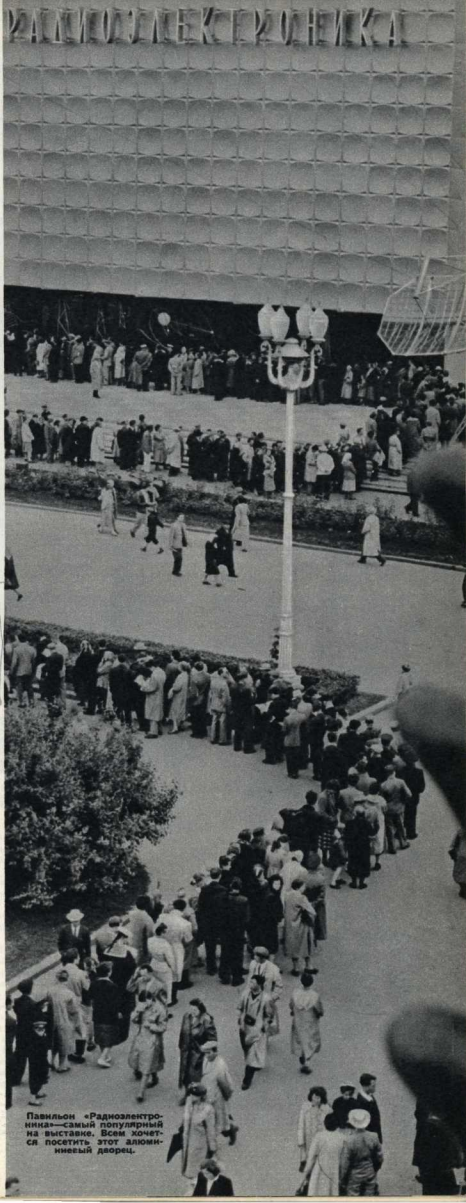
Как раз здесь мы увидели корявого старика в матросском

Фото

М. Муразова.

Когда Борис Заславцев вернется в Казахстан, ему будет чем иллюстрировать свой восторженный рассказ.

Павильон «Радиозентроника» — самый популярный на выставке. Всем хочется посетить этот алюминиевый дворец.

В павильоне «Химия» демонстрируются материалы сложных названий и простого применения. Из пенополиуретана, например, изготовляются подушки для кресел «ТУ-104», а скоро из этого синтетического вещества начнут выработывать подкладку для палаты; она будет эластичной, теплой, неварущейся.

Вот так грабли!

В зале Энергосистем демонстрируются наши выдающиеся достижения в области передачи электричества на дальние расстояния. «В этом Советский Союз уже переиграл США», — заявил видный американский политический деятель Аверелл Гарриман, недавно посетивший СССР.

←
Механические «руки» горячей камеры. Они позволяют уберечь человека от воздействия радиоактивных излучений при работе с высокоактивными материалами.

Интер из пластмассы... Интересно, а как он выглядит изнутри?

бушлате. Он осматривал какую-то замысловатую машину.

— Понимаю, что это для каких-то посадок... А что точно, черт его знает! — сокрушается старик.

Я расхожусь блонтом. «Зовут Степан Прокофьевич Прусков. 72 года. Из Астрахани. Работал столяром, плотником. В давние времена крестьянствовал в Поволжье».

Степан Прокофьевич посмотрел на окружающие нас машины и тихо сказал:

— Хорошо быть сегодня человеком! Особенно молодым...

Большое чувство патриотизма, гордости за свою страну возникает, когда идешь от павильона к павильону, от стенда к стенду!.. Наше современное народное хозяйство стало настолько высокоуровневым, различные отрасли его так тесно переплелись между собой, что трудно определить, где кончается, например, сельскохозяйственное производство и где начинается промышленность... Поэтому прежнее разделение выставок (сельскохозяйственная, промышленная, строительная) не выдержало бы сейчас этих особенностей.

ВДХ открывает широкую картину гармоничности развития всех звеньев нашего социалистического народного хозяйства.

Вот на центральной площади выставки стоит знаменитый «ТУ-104». К какому павильону его отнести, к

какой республике? Ведь над ним поработали и те, чьи успехи отражают павильоны «Радиоэлектроника», «Академия наук», и те, кто демонстрирует свои достижения в павильонах «Машиностроение», «Химия» и многих других. А разве детали к нему не изготовляли заводы разных республик? Так и стоит он в окружении павильонов, не зная, какому же из них отдать предпочтение...

Здесь, под стремительными крыльями красавца «ТУ-104», мы встретили двух математиков. Один из них — Рафаэль Шемма, ученый, — приехал из Франции, другой — Борис Заславец, учитель, комсомолец, — из Казахстана.

Тут много не сказать: одно слово — слушайте!

— Вы турист? — спросили мы француза.

— Нет. Бизнес!

— Нравится?

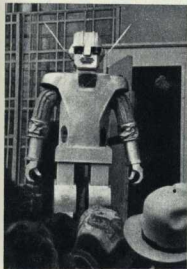
— Поражён!

Поражённые ходят по выставке наши гости! Они уже не удивляются — они учатся.

— Как бы не отстать от вас! — говорят американцы Элла, Дин и Лоуэлл Хотси из Калифорнии.

— Вы из молодежного журнала? Очень приятно! — сказал высокий парень в белой фуражке. — Я студент из Швеции, в это мне друзья. Знаете, нам кажется, что мы побывали в коммунизме! Передайте советской молодежи, что мы завидуем ей.

И, правда, завидовать есть чему! Мы неустанно идем к нашей заветной цели. Когда мы теперь говорим, что построим коммунизм, скептики молчат, глядя на экспонаты выставки. Вот оно, вещественное доказательство и подтверждение реальности грандиозных планов XXI съезда КПСС! Вот он, народный университет, где будут учиться строители коммунизма!

Мы попросили его не позировать.

«А поучиться, товарищи, у нас есть чему и есть у кого!» — говорил в речи на открытии выставки Н. С. Хрущев. — Самым большим богатством нашей страны являются

Ни одна девушка не пройдет мимо павильона Легкой промышленности!

Размеры ВДНХ грандиозны! Прошлогодняя Всемирная выставка в Брюсселе занимала меньшую территорию, а ведь там располагались павильоны 54 стран. Но кажется, что и на 211 гектарах нашим достижениям тесновато!

ся замечательные кадры, армия талантливых новаторов производства, выдающихся мастеров своего дела».

— Наступает вечер. Бьют иллюминированные струи фонтанов. К выходу идут двое ребят. Мы присоединяемся к ним.

— Ну как, много впечатлений? — Во! По самую макушку! — улыбается один из них, а другой произносит:

— Говорят, хорошо быть молодым в наше время. Правильно! Но здесь, на выставке, я как-то поособенному почувствовала, ощутил свой народ, его труд и то, что он сделал для нас, молодых...

— Это верно, — заметил первый парень. — Вот и нам надо подумать о том, как прожить свою жизнь так, чтобы оставить побольше хорошего следующему поколению.

К. ВИШНЕВЕЦКИЙ

На выставке людно в любую погоду.

— Вы думаете, раскисивать стены просто? Вспомните-ка сами — голландская мельница Мики Ивановны.

В классе у будущих каменщиков. Пока — только теория, но практика не за горами.

ИМЯ ГОРДОЕ— СТРОИТЕЛЬ!

Фото В. Леонова.

Иногда можно слышать такое: — Город Ворошиловск! Это который? Тот, где сороковок училище? Ну, конечно, знаю!

Пусть не обижаются другие предприятия Ворошиловска, но строительное училище № 40 достойно такой славы.

...Шел 1944 год. Советские войска заканчивали освобождение территории Родины от разбитых частей гитлеровской армии. Нужно было восстанавливать, много строить заново. Страна ждала молодых строителей.

В это время в Ворошиловске организовалось строительное училище № 40. Сначала было некогда

давать глубокие знания учащимся: ждали неотложные дела. За три месяца занятий, предусмотренных программой, учащиеся получали только основы строительного дела. Но постепенно срок учебы увеличивался, а сейчас дошел до двух лет.

Сегодня училище — крупнейшее в стране. В двух четырехэтажных отлично оборудованных корпусах участь и живут 800 человек.

Училище готовит специалистов двенадцати строительных профессий: штукатуров, маляров, столяров, каменщиков, электромонтеров и других.

Преподаватели — в основном выпускники самого училища. На-

нна Захарова и Соня Малыш любят рукоделье. Они стараются, чтобы комнаты общежития были нарядны и уютны.

Мастер Григорий Коваленко (справа) объясняет будущим столярам Коле Косову и Володе Ильину устройство новой ленточной пилы.

пример, мастера Владимир Антонович Слободянов и Яков Александрович Колибовчук окончили училище и ведут сейчас две группы: штукатурки и маляры. Они соревнуются между собой не только в учебе и труде, но, если можно так сказать, и в отдыхе: штукатурки организовали духовой оркестр, а маляры — танцевальный ансамбль.

Выпускников училища можно встретить почти на всех стройках Родины и за ее пределами. Среди тех, кто строит Дворец науки и культуры в Варшаве, тоже были «воросшильцы».

Каждый поступающий в училище имеет довольно полное представление о нем со слов братьев, сестры, товарищей... В семье колхозника Федора Слюсарева три сына и две дочери. Все сыновья окончили это училище, Николай в 1955 году стал электромонтером, Виктор спустя год — плотником. Младший, Василий, последовал примеру Николая. Сестры не отстают от своих братьев-строителей. Мария уже работает штукатуром, а Зина только подала заявление в училище. Правда, она еще не знает, как выбрать специальность: дома каждый заливает свои!

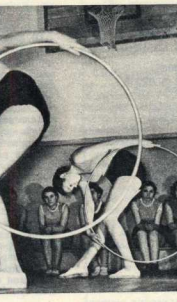
Как хорошо в наше созидательное время носить гордое имя — строителя!

Внукой Чистого Светло!

Идет репетиция! За пультом — руководитель оркестра стюльоров Василий Гребенюк.

Они овладевают разными специальностями, но всех их объединяет любовь к спорту.

ДОЛЖНЫЕ ВОСТРЕБИ

(ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ЖУРНАЛИСТА)

Не так давно служебная командировка привела меня в Орел. В номере гостиницы, где я остановился, одну из юнок занимал маленький толстенький человек с хмурым лицом. В первый же вечер я понял, что человек этот относится к той категории «заготов» жизни, которые с удивительным искусством умеют адекватно не только темные пятнышки. Помыслу напоминаю, что он «че-ек прямой» и потому любит «говорить открыто», мой сосед начал беседу с разнаса администрации гостиницы, а заодно и горсовета, затем прошлся по торговле, торговля города, набросился на местный транспорт и на транспорт вообще... И часу ночи, когда у меня уже сплывали глаза, мой собеседник перешел к более широким обобщениям.

— Да, — сказал он, — я че-ек прямой и скажу вам откровенно: со здравоохранением у нас тоже плохо. Позвоните в деревню, убедитесь. Врачи не имеют времени. Вот у меня тут одна фамилия записана... Он долго рвался в сапожке и вынул наконец аккуратную записную книжечку. — Вот, деревня Ломовец, Левшина Анна Семеновна. Отказалась пойти и роженице... Он начал перечислять и другие грехи, которые водились якобы за Левшиной, а я начал припоминать, где и когда слышал это название. — Ломовец.

— Ну, конечно, это было прошлой осенью, в поезде Москва — Орел... Я вспоминаю купе и получаю такую спомогательную струю, которую в Москве провозило не меньше десятка ответственных юнок. В пути она рассказывала, что гостила в столице у детей, но во времена расפורася, пришлось собраться домой, в деревню, раньше срока. Когда один из пассажиров заметил, что лучше было бы поехать ей в Москве, а не утомлять себя дорогой, старуха покачала головой: «Это, конечно, правильно: Москва, она и есть». Только такого донатора, как у нас в Ломовце, не слышать и в Москве.

— Я че-ек прямой, откровенный, — продолжал между тем мой сосед. — Можете надеяться по адресочку. Это ведь рядом, в Володарском районе. Вот как журналисту, было бы полезно:

— Спасибо, — сухо сказал я. — Постараюсь воспользоваться адресом.

Не знаю, что было главным: обиды за старуху, за ее глубокую веру в слово, местную медицину или просто желание доказать хотя бы самому себе, что слова этого человека — мелкая лживость, но я действительно выбрал день, чтобы съездить в Ломовце. Для начала рано утром я зашел в обездаровател.

— Левшина! Такого врача в списках нет, — сказала сотрудница отдела кадров, просветив толстую папку. — Моет быть, она фельдшер?

— Моет быть, — ответил я. — Будьте любезны, проверьте. Девушка достала новую папку. — Ах, — сказала она через минуту, — Левшина Анна Семеновна. Заведует фельдшерским медпунктом в деревне Ломовец, Становое сельсовета, Володарского района.

Я отправился в Ломовце. Не полугути и Ломовцу меня порагла повозка. Старик в новом синем ватнике и шляпушище, надвинутый на б, по-прежнему и нингул головой на теле.

— Прикасиаеются. По такой

грязице далеко не уйдешь... В Ломовце!

— Значит, по пути. А я, вышь ли, на станции был, — сообщил старик, видимо, соскучившись по собеседнику. — С Анной Семеновной, фельдшером, маму, большого отвозили.

— Фельдшер, что же, на станции осталась?

— На станции. Ей еще в полевую бригаду надо... Он выхулу рукой куда-то в сторону. — Ничего, вернется на «Звезде».

Левшиной, как и следовало ожидать, на медлуните не оназлось.

— Анна Семеновна в соседней бригаде, повезена санитарка. — Проводит инструктаж с санупломоченинами. Да она звонит, скоро вернется на «Звезде», посядет!

На стене висел план лечебно-профилактической и санитарно-просветительной работы ломовецкого медпункта. В нем перечислялись темы бесед и различные мероприятия на апрель.

— У вас на гунте два фельдшера! — спросил я санитарку.

— Тут написано: «Ответственные за исполнение Левшина и Маричева».

— Маричева — это я, — чуть подкасаив, сказала санитарка. Я завел разговор о работе медпункта, услышал интересный, хоть и скудный рассказ о медпункте, нередко самоотверженном труде сельских врачей.

— Вот был наной случай, — говорила Маричева. — Есть тут у нас один, бытовали они ее фамилия. Мене его в больницу надо, рожать за он в мануку. Дасява: «Моя маме, я за нее отвечаю». А все потому, что битис: пронежит жена два недели в больнице — убыток хозяйства. Мужини он хитрый, прибогат и нам в последнюю минуту, знает, что а нужный момент фельдшер не откажется прийти. Так и получаются сыроды на дому. А дома он, жалдога, на третий день меня заставил морозить дом... Ну, мы его вынахивший раз решили прочесть, прибогател он, медлунит. Ну, я пришла ему: «Не пойдут и тебе — все». «Иван так!» «А вот так! Почему раньше не прикомандировал?», он сначала раскричался, а потом начал мямлаться. Больше этого не повторится... Мене его, конечно, помочь оназали. Да он после этого жалкошу за нас настрочил. Хлыст ему один помогал, приезжал, он тамтунта, сиделат, дешевше, а потом в городе перепорядует...

Я почувствовал какое-то удивительное облегчение. «Надо бы отбывать в деревню или в больницу, — подумал я, — но увидел, как за одним промелькнули два фельдшера...»

— Вот и Анна Семеновна, — сказала санитарка.

— Вошла володая женщина, по-здоровалась и прошла к аптечке и Иванчине.

— Она звала какое-то лекарство и вышла из комнаты.

— Вот, Коля, — доносился ее голос из приоткрытой двери, — маме и сжики, что это витамин «Д». Она знает, по сколько капель давать. Смотри разбой! Ну, она вернулась и, направилась и стому, ушла...

— Чем могут быть полезны? Я уже знал, что был прав: старуха из Ломовца или фельдшер телитунки. И поэтому не стал говорить Анне Семеновне о причине моего визита... П. БАРУШКО

ЛИЧНЫЙ ВОПРОС

Первая серьезная ссора Вали Димовой с Валентином Интересовым произошла в тот день, когда Валентин решил прекратить учебу в школе.

— Мне трудно, понимаешь?! — оправдывался он.

Но Вали Димова не хотела понимать этого. Жизнерадостная и энергичная, вожак комсомольской организации стройгучкаста, она по вечерам занималась в техникуме, и трудности, казалось, ее больше подзадоривали ее, предавали желание во что бы то ни стало их преодолеть.

Она хотела помочь другу, предлагала готовиться к урокам совместно, но ее попытки оказались безрезультатными: Валентин Интересов бросил школу. Теперь у него стало много свободного времени, и вечера он по обыкновению проводил на танцевальных площадках.

До Вали доходили слухи, что после танцев он продолжает то одну, то другую девушку.

— Не любит он тебя, Вали, не будешь с ним счастлива! — постоянно слышала Димова от подруг.

Может, тогда бы и succeeded ей вычеркнуть парня из сердца. Но как это сделать? Стоило встретить Валентина на работе, услышать его голос, как от намерений ее не оставалось и следа.

— Я на тебе обязательно женюсь! — успокаивала девушку Валентин.

Вале хотелось верить ему, и она верила.

...Осенью 1958 года Валентин Интересов тяжело заболел. В больнице его навещали. Нет, девушки, с которыми он обычно танцевал. Ежедневно, несмотря на свою занятость, прибегала сюда Вали Димовой. Она приносила фрукты, книги, рассказывала о новостях, ободряла.

Выписавшись из больницы, Интересов решил, что женится на Вале. Да и как же иначе? Он уже знал, что у них должен быть ребенок... В октябре к Вале Димовой пришли родители Валентина. Выгляди за счастье молодых, оговорили все дела и решили сыграть свадьбу. Вали ходила счастливая, окрыленная.

Но вскоре Интересов уехал в санаторий, а через два месяца вернулся... чужим человеком.

— Вернется-то я и не собрался на тебе жениться! — цинично заметил он.

...Я сижу против Вали Димовой и слушаю ее сбивчивый рассказ. Ей трудно говорить: слишком все свежо в памяти. Маленькая, худенькая, с подобирами кверху височками, она кажется девочкой. Но глаза смотрят устало и грустно.

Вали рассказывает, как тяжело ей было дома, как одиноко она чувствовала себя в больнице, когда, давась слезами, отворачивалась к стене, чтобы не видеть чужих чужих.

— А теперь? —
— Мать примирилась. А вот подруги... Многие перестали со мной здороваться, заходить. Забыли меня и в комитете комсомола. Пять месяцев сижу дома, и ни разу не пригласили на собрание...

...И вот я в комитете комсомола. Валентин Интересов, высокий плечистый парень, сидит напротив меня, низко опустив голову.

— Вы знаете о том, что у вас родился сын?
— Да.
— Вы видели Сашеньку?
— Нет.
— Жаль! — искренне вырывается у меня. — А ребенок ведь так похож на вас!

...Почему?
— Валентин внезапно поднимает голову. Теперь мне хорошо видно его лицо. На какое-то мгновение оно окрашивается доброй, хорошей улыбкой, глаза теплеют.

Но так длится недолго. В следующую минуту лицо его снова приняло выражение полнейшего равнодушия.

— Вы разговаривали с Вале? — поинтересовалась я.

— Нам не о чем говорить. И это произносит человек, чью фамилию по праву должны носить его жена и ребенок! Легко, не задумываясь, он исковеркал им жизнь, и по-прежнему провоздвигает время так, как ему заблагорассудится.

Валентин уверяет, что ни с кем из девушек не дружит. Но это неправда. Все в поселке знает, что он встречается то с одной девушкой, то с другой, ходит на танцы... В его жизни ничто не переменилось! Какое ему дело до того, что на другом конце поселка живет его сын!

Нет, мы не склонны полностью защищать и Валу Димову. В двадцать два года пора нести моральную ответственность за свои поступки. Но речь идет не столько о Димовой и Интересовом, сколько о третьем существе — трехмесячном Саше, о его судьбе.

Как же отнеслась к этому серьезному делу комсомольская организация треста «Стерлитамакстрой»?

На первое заседание бюро комитета комсомола, где разбирались заявления Вали Димовой, вызвали одного Интересова, Валу пока не тревожили.

— Исключать из комсомола, конечно, не бу-

дем, а пригнучить парня надо, — посовещавшись, решили члены бюро.

Валентин отмалчивался. В конце заседания пришли к единому мнению: неудобо выносить решение заочно, без участия Димовой. Так и разошлись, ничего не предвзяв.

Второе заседание бюро происходило также в отсутствие Вали. Пользуясь этим, Интересов лил на нее потоки гнева. Опровергнуть его было некому, и нудный, откровенный разговор, который мог бы что-то изменить в отношениях Интересова и Димовой, был погашен «зачапкой» пропихавшегося члена ВЛКСМ. Интересову вынесли выговор.

О Вале Димовой не вспоминали. «Стоит ли окружать вниманием и заботой комсомолку, которая родила внебрачного ребенка?» — рассуждали в комитете. Ни члены комитета комсомола, ни работники стройкома СМУ-6 не полагали нужным прийти в больницу к Вале, поинтересоваться здоровьем, принести цветы. Но через десять дней к комитету спохватились: и на этот раз было решено созвать комсомольский актив.

Вопрос, поставленный на повестку дня, звучал интригующе: «Выводит ли только он?».

Вали чувствовала себя еще настолько плохо, что, узнав о предстоящем активе, попросила секретаря комсомольской организации Рашида Губайдуллина отложить разбор дела.

Губайдуллин возмутился:

— У нас по плану намечено мероприятие, и откладывать его не будем!

И вот Вали Димова стоит посредине зала. На ее устремлены взгляды присутствующих комсомольцев. Ей предстоит говорить о самом сокровенном и наиболее... Но с чего же начать этот рассказ? Мысли путаются.

— Говори! — кричит из президиума.

— Вале сбивается, голос дрожит. Как говорить? Разве ее товарищи не понимают, что она иначе представляла себе этот разговор? Хотелось бы, чтобы ее встрча с Валентином происходила в тесном кругу друзей, а не в этом огромном зале.

И Вали говорит совсем не то, что думает. Не то, что думает, говорит и Валентин Интересов. Он выплил для храбрости и теперь дерзит Вале, отрицает свое отцовство:

— Я не женат, у меня нет сына!
— Бить может, а другой обстановке он вел бы себя иначе: серьезнее, правдивее. А здесь ему хочется перед всеми оправдаться, и он напосит Вале оскорбление за оскорблением. Так мысленно прикинув меру, молодыми людьми произошел окончательный разрыв.

Через несколько дней Вали написала заявление в комитет комсомола: «Хотя прошел актив, но я настаиваю на том, чтобы вы вызвали нас на бюро комитета...»

Но ее не вызвали на бюро.

— Хватит! Достаточно повозились мы с вами! В нашей организации есть дела поважнее! — раздраженно заявил Рашид Губайдуллин.

Да, мы согласны с Губайдуллиным. У комсомольцев, строящих заводы большой химии, немало неотложных, беговых дел. Однако, собирая металлком, проводя рейды по бережливости, заботясь о малой механизации и правильной расстановке оборудования, нельзя забывать и о том, что взаимоотношения молодых людей не ограничиваются строительной площадкой. Сегодня горько и тяжело Вале Димовой, обижена пока ее ничего не подозревающий маленький Саша. Завтра такая может произойти с другим. А ведь как много значит чуткое, товарищеское участие, настоящее внимание! И поэтому, прежде чем выносить «личный» вопрос на обсуждение широкого комсомольского актива, следовало бы тепло и по-дружески поговорить с теми, от которых зависела судьба нашего человека.

Сергей ШМИТКО

ДЕЗДЕМОНА

В первый раз девочка уймала на подоконник районного клуба. А когда выскочил из зала, ей мальчишки навалили с клубы. Самых нежных, душных нарциссов, Обойдя сторожку стороной, И вручили цветы девочке. И признали ее актрисой.

— Шел трамвай. На площадке вагона, Раскрасневшаяся дорогой, Узнавая домю Дедемона В белых тапочках ббсу ногю.

Юрий ЩЕЛОКОВ

ДЕВУШКЕ ИЗ СТАЛИНГРАДА

Горела Волга, Солнце спело, Шел черныи самолет в пике. И страшный смерч огня и пепла Рванулся с берега и реке...

Постой, родная. Что с тобою! Давно минуло те дела. Но ты качаешь головою: — Я в это время ты была.

И я спешу в зрян вглядеться, А огонь, и обугленный юркнул, Чьоб так твое увидеть детство. Чьоб сердцем ненависть постичь.

А стены каменные, рушась, А зрянь падает на землю. Так вот откуда ты узнал На самом дне любимых глаз.

г. Тула.

Рисунок М. Рабиновича.

ЛЕНОЧКА И «ПРЕЗИДЕНТ»

Г. КАЛИНОВСКИЙ

Рассказ

Виноватым не было: мы сами чересчур увлеклись маршрутом и в последние дни лютым снегом отмахивались от ворчания шофера Васи Тулякова. Бензин кончился, как нам показалось, слишком внезапно. Вдобавок Туляков предпринял эту новость не без издевательств.

— Ну, заправилась, дорогие граждане изыскатели! — вырвавшись спросил он после завтрака. — Добавчик не требуется?

Самый воспитанный человек нашего отряда, старший коллектор Петя Угловский, не чувствуя подвоха, вежливо поблагодарил: — Спасибо, Вася. Вполне достаточно.

— Тогда порядок, — усмехнулся шофер. — А то я хотел сухариков предложить. Консервы то-то, ни одной банки. Вам такая новость известна?

— Известна, — сказала, поднимаясь с коши, начальник отряда Елена Андреевна Шухова. — Заводи. Курс прямо на базу. Без останков.

— Насчет базы прошу извинить. — Вася встал, подошел к грузовику и нанес сапогом непонятным шоферской удар по переднему скату — Красавица машина! Колеса не стучат, тормоза не скрипят. Одно неважно: горючее кончилось. На час езды наскребу, а до базы, насколько я помню, двести километров. — Так что можете загорать.

Вокруг лежала безжизненная, плоская до гололозеружения равнина. Ее горизонт ступеньвался белесой снежной мутой, а солнце желтым пятном еле-еле поблескивало сквозь грязноватые низкие облака.

Первым опомнился Петя Угловский. Он торопливо достал из планшета карту, протер восточные очки и ткнул пальцем куда-то в сторону:

— Катастрофы не произошло! В сорока километрах отсюда метеостанция на колодезь Муборак. Полагаю, что бензин взаимно под расписку они нам предоставят.

— Нет! — неожиданно крикнула Шухова. — Нет! Ни в коем случае! Окажись у муборакочева не разрешаю!

Туляков, уже открывший дверь кабины, изумленно повернулся:

— Начальство шутит?

Нервно теребя бахрому теплого оренбургского платка, Шухова упрямо повторила:

— Не разрешаю! Приказываю ждать!

— Вы успокойтесь, Елена Андреевна, — пролепетал растерянный Угловский. — Трезво оцените обстановку.

— Обстановка снайп! — пробормотал Туляков. — Четырмя невырытыми могилами пахнет.

Вся, конечно, преувеличивала опасность. Но, не имея радостянци, оцутиться без еды и горючего на необитаемом плато и ждать неизвестно чего, когда неподалеку, по здешним масштабам совсем рядом, живут люди! — решение почти преступное.

Несколько минут мы все молчали. Тонко посыпавшись стружкой поземки, и ветер гасил слышу за слышную в руках Тулякова. Петя Угловский упрямо смотрел под ноги, и по всему его виду было понятно, что ему мучительно стыдно за нелепый приказ начальника отряда.

Стараясь ни с кем не встречаться взглядом, Елена Андреевна шагнула к машине.

— Ладно. Поедем на Муборак.

— Да... бывает, — вздохнул Туляков и, отшвырнув бесполезно истраченную коробку спичек, сел за руль.

— Только в метеостанцию я не пойду! — со злостью добавила Шухова. — Оставьте меня, не

дождя километра. Меня с вами нет. Понятно?

— Конечно, конечно! — с готовностью закивал Угловский.

Шухова заняла свое место рядом с шофером, мы с Петей забралась в крытый брезентовый кузов, и грузовик тронулся.

— Что с ней приключилось? — почему-то шепотом спросил меня старший коллектор.

— Понятия не имею.

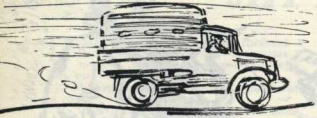
Я спросил Угловского. Из нас троех в единственном догадывался, почему Шухова не хочет показываться на Муборак. Но летом, в наш первый приезд на колодезь, с нами не было ни Пети, ни Тулякова, а тайна, если можно назвать ее тайной, принадлежала только Елене Андреевне...

Совсем недавно, в августе, геолог Шухова импровизовала просто Леночкой. Проблема авторитет волновала ее больше всего. Наш тогдашний отряд состоял из шофера Калинджана, рабочего Якова Ивановича, коллектора Толя и меня. Получив первое самостоятельное задание — обследовать район колодезь Муборак. — Шухова постаралась придать розовощекому лицу предельную суровость и обьявила:

— Больше фамильярностей я не потерплю. Мои распоряжения на полевых работах выполняйте беспрекословно! За нарушение дисциплины буду отчислять, не вступая в объяснения.

За этим грозным предупреждением чувствовалась такая неуверенность в собственных силах, что мы с трудом сдержали улыбки.

Потом, уже без Шуховой, потоповая по душам, единогласно решили помочь новой начальнице. Мы безжалостно изгнали из своего лексикона имя Леночка, выяснили в отделе кадров, что отца Шуховой зовут Андреем, и не разрешали в ее присутствии ни одной гру-

бой шутки. Кроме того, чтобы продемонстрировать Елене Андреевне нашу безответственность, мы купили в раймате четыре одинаковых комбойки в клетку изумрудного цвета и привели в восторг экспедиционного парникамера, истратившего на нас месячный запас охотколоса...

А на колодеце Мубарак наши дружные усилия по выдергиванию культа Елены Андреевны Шуховой были завершены и отмечены самым возмутительным образом...

Радиомачты метеостанции мы увидели после полудня. Прямые и тонкие, они вздрагивали в раскаленном мареве, донесли и трюнились в глаза, словно тоже не находили себе места от неподходящей, ослепляющей жары.

— Пошел, — вытара с лысины пот, произнес Яков Иванович. — Возле лодки поживем. Им веселее, и нам не в тягость. В шахматички переберемся, вечеринку с песнями организуем.

Елена Андреевна согласно кивнула: — Конечно. Но без спиртного...

Мы подошли к метеостанции. Новенький финский домик, дощатый гараж и площадка с метеорологическими приборами окружали колодец. Двое суток нам не попадались по дороге никакие признаки человеческого жилья, и этот скромный архитектурный ансамбль произвел на нас впечатление настоящего уютного поселка. Непонятно было одно: нас никто не встретил, никто не появился на крыльце на шум автомобильного мотора.

— Спят, — догадался коллектор Толя. — У них работа по расписанию. От дежурства до дежурства.

— Не совсем удобно, но придется разбудить, — сказала Елена Андреевна. — Надо договориться о пользовании колодецом и вообще представиться.

Отряхнув пыль, мы негромко постучали. Ответ не последовало. Болдер наверху стучал опять не принес результатов, и мы уже без церемонии вошли в домик.

Все три комнаты оказались пустыми. По железным койкам, аккуратно заправленным, слышим деловито, никак незаметно было понять, давно ли они покинуты хозяевами. Ничего не объясняя нам и карты изобразов, разноцветной ленточкой покрывавшие стены.

— В пустые человека встретить — радость, в доме не найти — беда, — философски заметил шофер Калимджан.

— Я сейчас обследую гараж, — сорвался к дверям возбужденный Толя. Толпе с трудом насчитывалась семнадцатая лет, и за полгода работы в экспедиции он впервые почувствовал здесь запах настоящего приключения. Ему наварила припомнились танцевальные корабли, бороздящие океан без экипажа, и бутылки с записками, подобранные на морском берегу...

В гараж мы направились все вместе. Последняя дощатая сарай, запертая сверху мотор, стояла на домкрате машина «АЗ-65» без передних колес.

Беспомощный вездеход оставил нас злоноватыми. Не могли же здравомыслящие люди в шестидесятиградусную жару отправиться пешком на прогулку по выжженной плато!

Теперь не одного Толю, а всех нас охватила неприятная дрожь; мы бестолково ринулись в разные стороны в надежде найти разгадку исчезновения метеорологов.

— Сюда! Немедленно сюда! — раздался крик Толи. — Нашел!

Находка младшего коллектора окончательного сбива нас с толку. Возле колодца на листе жести стоял керогаз и мутно поблескивал свежоз слюдяное окошко желтоватым огоньком. На керогазе уродливым грибом возвышался чудовищных размеров чайник.

Толя снял крышку чайника, зачем-то вынул из него, обливая пересохшие губы, прошептал:

— Их похитили!

— Чудись! — не очень уверенно запротестовал Яков Иванович. — Кто их похитил! Кто они такие!

— Ответить Толя не успел. Он выпрыгнул и передостерегающе поднял руку:

— Тихо! Слушайте!

Мы покорно повиновались. В одуряющей, раскаленной тишине действительно существовали странное, ни на что не похожие звуки. Глухие и одновременно гудящие, они наполняли неясное бормотание в пустой бочке.

Повернув длинной шель, Толя прыгнул к цементной бровке колодеца и, перегнувшись, вошел в узкий заволок.

— Ого-го-го! Вы живы!

Колодец в ответ немедленно зарокотал гудящим, трубным басом, и веревка, закрепленная на стальной оси возле бочки, туго, со звоном натянулась. Над бровкой показался лохматый голова, затем плечо, кофейного цвета плечи, и мы невольно потянулись.

— Здравствуйте, товарищи! — весело поприветствовал нас русобородый выходец из колодезных глубин и тут же сильно дернул веревку три раза.

— Система! — подмигнул он нам. — Сигнал: «Все наверх, встречная гостей!». Мы в домино заигрались. Четырнадцатая партия идет. А вы не знаете, что колодец Мубарак с кузьбонкой! — спохватился он. — В летние месяцы, когда много пьют, кофейного цвета мочу вы до вечера ни калли. Вот мы от жары и спасаемся. Сыровато малость, но все же благодать! Плюс для хлопцев тренировка по канатному спорту.

— А что делать, сердцача сплонул Яков Иванович. — Заморочилин лодочам головы!

— А я-то думаю, — разочарованно протянул Толя.

Между тем из колодеца появились еще двое любителей подвальной пролады. Скуглый, чернатым мальчишка в тобетелье и наголо стриженный толстячок неопределенного возраста, с лыловым носом.

Пропустив мимо ушей реплики Якова Ивановича и Толи, бородатый парень широким жестом представил своих соратников:

— Прошу любить и жаловать: Рыскул, наблюдатель-практикант. Аким Семенович — захоз, повар, индивидуальный лирик. И я, Роман Цырнок, президент всего Мубарака и окрестностей.

Сверкая ослепительно белыми зубами, Цырнок крепко тряхнул каждого за руку. Последней с ним познакомилась Шухова.

— Елена Андреевна, — с достоинством назвалась наша начальница.

Цырнок перестал улыбаться, взглянул ей прямо в глаза и вдруг густо покраснел. Его русая борода стала похожа на грим, плохо приклеенный к малчишескому лицу.

— Так вот ты какаля.

— Так вот ты какаля! — передернулся Шухова. — Отпусти руку!

Цырнок сделал шаг назад и неестественно расхохотался:

— Не может быть! Такая пигалица, и уже Елена Андреевна! Нерентабельно! Ты Леночка, Леночка, все же без добавлений!

Поблудившая Шухова смала кулачки, но бородатый «президент» Мубарака миролюбиво предложил:

— Не кипятись! Замуж за меня пойдешь! Это было сверх всякой меры! На ресницах Елены Андреевны всплыли слезинки:

— Как вы смеете! Хам!

— Слушай, «президент», — угрожающе двинулся на Цырнока Калимджан. — Зачем гости обижать!

— С бородой, а без ума, — весело оставил Яков Иванович. — Если пьяный, ступай прощай.

— Вы что? — повернулся к нам метеоролог. — Считаете, мы плохая паря?

Я и теперь не понимаю, почему, вместо того, чтобы дать Цырноку по физиономии, я невольно подумал, что и вправду он был бы для Шуховой вполне достойным мужем.

Возможно, это произошло из-за чего внешнего сравнения. Только человек с таким ростом и такими плечами, как Цырнок, мог называть Елену Андреевну пигалицей. Рядом с ним высокая и плотная Шухова незаметно превратилась в истонченную голенастую девочку. От обиды ее круглые, всегда румяные щеки вытянулись, припухлые губы беспомощно вздрагивали... А Цырнок и не собирался извиняться за свою неудачную шутку. Скорее он выглядел растерянным и простодушным великаном, которого не поняли.

Не берусь утверждать, что об этом же подумали и остальные. Но факт остается фактом: на вопрос Цырнока никто не ответил; он вынуждал у нас минуту молчания и серьезного замолчания.

— То-то и оно! Собразуйт надо! А сейчас, Аким Семенович, действуй. Парадный стол по первому разряду.

Парадный стол не состоялся. Шухова открытово, вслипливо, и победилась в машине.

— Вредная ты личность! — злопадода возмущился Калимджан. — Сам угощайся! У тебя и мед горьким стант!

Мы скопом, переваливаясь животами через задний бор, вскарабкались в грузовик и помялись, взявatas тучи пательной пыли.

— Воду! Воду! Возьмите воду, чудак! — орал вдогонку Цырнок.

Калимджан швырял машину, не щадя рессор и наших ребер. К счастью, этот сумасшедший райс дйлкс недолог. Мы отехали от Мубарака всего километра на два.

Надо отдать справедливость Шуховой, она успела взять себя в руки. Ее выдвинули лишь покрасневшие глаза и нересур открытость, вроде телеграфных фраз, расприоржения:

— Палатку разобьем здесь. Маршруты начнем завтра. О метеостанции забыть. Эпизод личного характера. К работе не относится.

— Правильно! Вредный он человек! — неосторожно подлаянул Калимджан и погрози кулаком в сторону домика. — Я его научу! Культуру научу!

— Я сказала: забыть! — гневно ударила спортивной палочкой по земле Елена Андреевна. — Пробу со дня колодеца возьмет Толя. И никаким с ним дин!

Но к вечеру, когда палатка была поставлена и Яков Иванович с Калимджаном занялись приготовлением ужина, Цырнок сам пожеловал к нам.

— «Президент» топает, — объявил Толя, прикрывая ладонью глаза. — И что-то тяжело не несет, согнулся.

— Ну, знаешь! — Губы у Шуховой опять задрожали. — Я сам воздухом одним дышать не хочу!

— Она змелалась по нашему крохотному лагерю, законно открывшему казан для парфинирования образцов и, потеряв ушибленную коленку, обрела спокойствие.

— Я пережду вон в том овражке. Уйдет — позовете.

— Выставим в секунду. И вежливо,— пообещал Яков Иванович.

Но от своего обещания не сдержал. Нельза же, в самом деле, прогнать в пустыне человека, притаившего на собственных плечах за два километра полный бонокл сжевой воды!

Цырюнок осторожно пошел возле палатки бонокла, разминая затекшие руки, помахал ладонями и, как ни в чем не бывало, сказал:

— Такая транспортная работа меня не устраивает. Давайте вашу тару, вашу машину. Иначе нерентабельно.

У нас хранились две непечатых канистры с водой, но волей-неволей пришлось поблагодарить бородастого метеоролога. Поблагодарили мы, конечно, сдержанно, без восторгов.

— Излишняя дипломатия!— усмехнулся он.— Если работать задунами, все равно без муборской воды вам не обойтись. А у меня водохранилище оборудовано. Помещение, чехи на Волго-Доне, но все же...

Но дождикса пригласения, Цырюнок шел на кошму и внимательно осматривался:

— А начальница в овгар скривилась? Нерентабельно.

Третий раз он произносил «нерентабельно», и взгляду у него это канцелярское слово необычно, вроде «глупо», возведенного в высшую степень.

Яков Иванович смущенно кашлянул, поискал у нас глазами поддержки и достал пачку «Бело моря».

— Зажуряй,

— Некурзяй.

Проверенный способ начать обстоятельный мужской разговор сорвался, и наш добряк с отчаянием вытарапливал:

— Извинись! Я ее позову, а ты извинись! Всем легче станет!

— У тебя, папаша, тяжесть на душе? Тревожат грехи молодости?

Цырюнок стремительно поднялся и, не давая Якову Ивановичу опомниться, жестоко отрезал:

— С Леночкой мы наши отношения сами выясим. Без адвокатов и общего собрания. Будьте здоровы!

— Момент! Один момент!— схватил его за рукав Калинджан, осененный спасительной

догадкой.— Ты с ней раньше был знаком, да? Она тебя забыла? Откровенно скажи, мы тоже мужчины, понимаем!

— А ты с воображением,— подозрительно покосился на Калинджана метеоролог.

Ага!— обрадовался Калинджан.— Я же говорю, мы понимаем. Но скрывать не надо, по-человечески разберемся...

— Вот и хорошо!— К Цырюнку вернулся его прежний, полусамодовольный тон.— Продолжайте понимать на здоровье. Вам полезно, и мне приятно. Снабдите лучше читовом. Потолще бы книжечку.

Ушел он, зажав подмышкой два увесистых тома «Консулово», извлеченных из рюкзака Толя.

В овгар за Еленой Андреевной сбегал Калинджан. Шухова даже не поинтересовалось, о чем мы беседовали с бородастым «президентом», а деловито развернул на ящике карту, занялся предстоящими маршрутами.

На следующий день мы проснулись с рассветом. За ночь острота встречи у метеостанции как-то спадилась, о ней некогда было вспоминать. Наскоро позавтракав, Елена Андреевна, Калинджан и Яков Иванович уехали к южным обрывам Усть-Урта, вооруженные горным компасом, геологическим молотком и лопатами для шурфов. Мы с Толей после их отъезда, пользуясь недолгой прощадой, направились к колодезю за образцами донного грунта.

У финского домика, несмотря на раннее время, толстячок Аким Семенович уже стоял на коленях перед газетомом и сосредоточенно поминивал лопкой в газетном.

— Очень правильно,— приветствовал он нас.— Правильно наведалься. Вы необходимы.

Он вытер о пластмассовый голубой передник руки и чинно поздоровался. Вид у толстяка был крайне озабоченный. Ужаркой оглядывался из дом, индивидуальным ирином, как его оттрекомандовал ввара Цырюнок, взволнованно зашептал:

— Нужно принять совместные меры. Что вы с нашими «президентами» сделали? Грубит, лица ему не нравятся, не спал всю ночь...

— Разве он не всегда такой?— искренне изумился Толя.

— Неостроумно, молодой человек,— поморщился Аким Семенович и поднял вверх пухлый палец.— Я двадцать два года работаю в

метеосистеме и ни разу, слышите, ни разу, не встречал начальника, равного Роману Кондратьевичу Цырюнку по общительности и пониманию личных запросов подчиненных.

Пронизсе столь высокопарную тираду без единой запятой, толстяк глубоко вздохнул:

— Полагаю, здесь имеет место вспышка неразделенной любви. Объектом полюбилась ва-ша, э-та... Ну, руковождца двудвадцати.

— Сизагуни!— Фыркнул Толя.— Не успел вылететь из колодезца, и пожалуйста: «Замуж за меня пойдешь!»

Семнадцатилетний коллектор с сожалением посмотрел на Аким Семеновича и категорически заключил:

— Чепуха! Настоящая любовь начинается по-другому. Дурь на него накатила, и ввел Нам пора делом заниматься. Он в доме!

«Индивидуальный лирик» наклонил утвердительно голову и грустно поплелся к керогазу.

Цырюнок лежал одетый на койке с тоном «Консулово». При виде нас он пружинисто поднялся на локтях и, словно чего-то ожидая, посмотрел требовательно. Но, услышав Толю, опять принял плечами подушку, зевнул.

— Надо грунт — и бери. Чего спрашивать? Воды в колодезце сейчас тебе по пазу будет. А подождешь часа четыре, те по «ульбочки», и пятак не замочишь.

Глаза у Цырюнка потуснели, из-под спутанных волос к переносице, разделив высочайший лоб на две половины, прорезалась глубокая неподвижная складка.

Толя, однако, не заметил перемены в настроении «президента» Муборая. Наблюдательность алдышнего коллектора была натренирована по рецептам «Библиотеки военных приключений».

— Лихо!— воскликнул Толя.— Второй том добывае! Ракитина скорость!

— За первый я и не принимался. Нудное сочинение,— пробормотал Цырюнок и лутяно объяснил:— Жил я на леднике, на Памире. Один всю зиму. Много скучных книг было... Пришлось метод изобрести, как с ними справляться. Раскрою на половине, до конца дочитаю, а потом уже беруся читать. Читаю о разных переваливающих горах и усваиваю про себя: «Врете! Меня не обманете! Я-то знаю, что с вами, голубчиками, дальше случится! Всеелее получалось...»

Заинтересованный новым «методом» чтения, Толя отложил рот, чтобы обсудить его поподробнее, но Цырюнок пошел разговорать:

— В общем, нерентабельно разговаривать! Ступай лучше грунт бери. Авось, до главного солнышка обратно успеете.

Поведение метеоролога озадачило меня. Он явно тяготился нашим присутствием и даже забыл о своем предложении подождать, пока вода уйдет из колодезца. Но одновременно по его быстрым, тревожным взглядам можно было подумать, что он собирается о чем-то у нас спросить, но у него не хватило мужества. Наконец хриплым от волнения басом он сказал:

— Она давно у вас?

— Кто, Елена Андреевна?— уточнил Толя и охотно начал выкладывать все имеющиеся в его распоряжении сведения.— С августа. После распада института приехала. Институт оканчивала в Ленинграде. Незамужем. О привязанностях не знаю. У нее первый маршрут, и наш главный геолог готов...

— Вода вчерашняя кончилась?— снова не давал высказаться коллектору Цырюнок, тот и лопал с жадностью каждое слово о Елене Андреевне.— Присылайте машину. Девять бочек всегда наготове. Полные до кувата.

Он взял «Консулово» и демонстративно зашелестел страницами.

На обратном пути к лагерю Толя негодовал: — Меня никто не переубедит. Он от рождения с косями мозгами. Нормальные люди княи с княи не читают...

Шухова выринулся с оных обрывов поздно вечером. Усталая и возбужденная она с аффектом набросилась на ужины. Радость самостоятельной работы сбилась с Елены Андреевны напускиную сухость, и она тараторила без умолку об удаче маршрута:

— Обширные так «полюс!» Прямо наглядное пособие для первокурсников! Завтра же переберемся к обрывам, нам здесь делать нечего...

— Мы ходили на Муборак...— напомнил Толя.

— Ну и что?— все еще находясь под очарованием обаяний типа аллюкс и недовольная, что ее перебили, был энтузиазма поинтересовалась Шухова.

— Президент книжки с последней странички читает, вот что!

— Какой президент? А-а!— Елена Андреевна не донесла до рта ложку с макаронами и с размаху сунула ее обратно в тарелку.— По-моему, я вас добром просила: забыть! Грунт взяли! Да! Осталось меня не касаться.

— Она сухо бросила «спасибо», уселась за раскладной столик и закрипела авторучкой в полевой тетради.

Цирюк появился минут через пять. Мы почему-то не слышали его шагов, и когда он стремительно, всем корпусом идущий в палатку, Толя уронил недомытую алюминиевую миску, а Шухова слабо вскрикнула и рванулась из-за стола.

— Стоп!— загорючил ей дорогу «президент» Муборак.— Стоп, Елена Андреевна! Цирюк тяжело дышал, складка на лбу то сбегала к переносице, то снова пропадала. В голубых глазах горели решительные огоньки. Яркий свет аккумуляторной лампы четко вырисовывал на брезентовой стене огромную, незнакомо сутулую тень метеоролога.

— В сарае я вас не пишу. За ночь сообразил: поговорить со мной наедине вы не согласны. Значит, без общего собрания не обойдется. Я хочу...

— Меня не интересуют ваши желания!— опомнилась наконец Шухова.— Уходите! — Сакрду!— Цирюк запнулся и досадливо тряхнул кудрями.— Я не так начал... Ваш шофер вчера спросил... Ну, пожелал выслить, знал ли я вас раньше. А не все ли равно: знал или мечтал!

Елена Андреевна заткнула пальцами уши и круто отвернулась от Цирюка.

— Ну, хорошо!— Он криво усмехнулся.— Объяснение не состоялось! Отменил! Тогда вопрос: вам приходится грустить? Можете не

отвечать! Знайте: вчера я рылся из колодца и струил первый раз в жизни. Потому и...

— Довольно!— глотнув подступившие слезы, взвизгнула Шухова.— Калимджан! Толя! Проводите гражданочку!

— И этого не поняла? Эй!

Цирюк встал, голову в плечи, сгорбилась и неуклюже, боком вышел из палатки.

Елена Андреевна бросилась ничком на раскладную койку и, не раздеваясь, не шевелясь, пролежала до утра.

На рассвете мы перебазировались к южным барам, за тридцать километров от метеостанции. На новом месте мы постепенно обнаружили у Елены Андреевны кое-какие изменения в характере: она не так подчеркнито изображала начальство и, когда Калимджан привозил из Муборака воду, за час до его приезда отправлялась в одиночестве гулять, возвращалась грустная и тихая. Однажды во время ее отсутствия Яков Иванович заметил как бы невзначай:

— Человеку сказали, что он мечта. Думаете, на это легко плюнуть!..

И вот спустя три с половиной месяца мы опять подъезжаем к Мубораку. Ушел на пенсию Яков Иванович, унитас в техникуму неугомыный искатель приключений Толя, на другом конце пустыни колесит Калимджан...

Колочный ветер шлещет сквозь щели в крытых кузов, пронизывает полушубки, выдувает последние воспоминания о лете...

Но Шухова ничего не забыла. Мы ее оставили, как и условились, за километр от Муборака. Она выбралась из машины, закутанная в тулуп до пяток, и беспокойно взглянула на меня:

— Поскорее возвращайтесь, и главное, уговор: меня здесь нет.

Шухова волновалась напрасно. Метеостанция Муборак преподнесла нам сюрприз, еще более удивительный, чем в августе...

Мы увидели заколоченные ставни, а на крыльце— нетронутый, без единого следа снежный сугроб девственной белизны. Нетрудно

было сообразить, что двери домика давным-давно не открывались и он безнадёжно пуст внутри...

— Ну и ахилл!— выругался шофер Туляков и наиселся на Петю Угловского.— А все ты, советник! Направил к черту в зубы! Прихлопнул твою метеостанцию по сокращению штатов!

— Вы не совсем правы, Вася,— с присущей ему важностью возразил Угловский.— Скотини!

— Что смеетесь? Пломба на дверях. Для порядка полагайтесь.

— Не торопитесь с выводами. Приложите ухо к дверям и прислушайтесь.

Начиналась мистиф! Второй раз мне предлагали улаживать на Мубораке таинственные звуки, и второй раз звуки существовали!

Им не мешало ни шуршание поземки, ни монотонный свист ветра в антенне. Если двери упорно пробивало деловое и четкое пощелкивание какого-то прибора...

— Тихаэт,— согласился шофер.— А нам что, легче...

— Стыдитесь, Туляков!— возмутился коллектор.— Метеостанция переведена на автоматическое обслуживание! Перед нами величайшее торжество современной техники!

Восторг Петя взорвал шофера, никогда не отличавшегося легкостью характера:

— Хана нам от твоего торжества! И бензина, ни жратвы! Загнемся без ленихиди! Зовите начальство! С меня хватит! Сыт по горло! Перед смертью хоть в закутке поужоу.

Туляков маршею шагнул к сараю, за ним поспешно обескураженный Петя, а я отправился по нашей колее к Шуховой.

Еще издали завидя меня, Елена Андреевна побегала навстречу, путаясь в тулупе.

— Вы меня предели! Он прислал за мной! Как вам не стыдно!

Невероятно, но за ее нетоварищеским же поведением еле сдерживалась радость!

— Успокойтесь!— буркнул Я.— Никого нет даже в колоде. Станция автоматическая.

Шухова никуда, дернула на шею платок и, будто удлиненная в чем-то недовольно-опустив глаза. Она, кажется, не сознавала своей серьезности положения, стояла безучастная и равнодушная, уныло свесив длинные рукава тулупа, отороченные хлопчатой овчиной.

— Надо идти,— тронул я ее за плечо.

Шухова покорно побрела за мной, беспрерывно кланяясь окрешному ветру. За всю дорогу мы не обменялись с ней ни единым словом.

В сарае происходило черт знает что! Перед раскрытым железным ящиком из-под кинопленики сидели на корточках Угловский и Туляков и за обе щеки с хрустом уплетали белые сухари. На сухарях возвышались сложные конструкции из говяжьей тушеники, колченой колбасы и даже плавленого сыра.

— Санс-ация!— едва не подавившись, закашлялся Петя.— Здесь целый склад! Масса провiantа и две бочки бензина!

Потеряв обычную корректность, Угловский пукаво усмехнулся и протянул конверт:

— И письмо. Без адреса. Мы всарыли.

Елена Андреевна взяла повлажневший от сырости листок бумаги и машинально прочла вслух:

«Леночка! Если снова окажетесь в наших краях, все тут ваше. Постскрипум: А если вы не Леночка и тоже нуждаетесь, не стесняйтесь, пользуйтесь. Бывший президент Муборака охрипелоступил!»

— Видно, что «президент»!— недовольно проворчал Туляков.— Душу рабочего класса не понимает! Нет, чтобы для полного комплекта сто пятьдесят граммов включить в ассортимент...

— Что вы сказали! Повторите!

— Такого голоса нам не приходилось слышать у Шуховой. Это был не прежний, наивно-напорчатый тон для поддержания авторитета. Вопрос шоферу задала до ярости обиженная взрослая женщина и истощивший начальник, поминивший всю полноту своей власти.

— Вы итглиц, Туляков! Вы не стоите мизинца человека, который спас вам жизнь. Ясно! Шухова, не взглянув на ошалевшего Тулякова, вышла из сарая и вызвала меня:

— Я считаю, нужно поблагодарить метеорологов. Как бы лучше отыскать!..

Андрей ДОСТАЛЬ

МОЛОДОСТЬ

Береги свою молодость —
Утро светлого дня.
Пусть ни зноя, ни холода
Не боятся она!

Пусть идет она, стройная,
На в огне и во мгле,
А по юной, отstroенной,
По весенней земле.

Оглянись на просторы,
На поляны в цветах,
Чтоб от солнца, от моря
Зарябило в глазах.

Пусть цветы белоснежные
Лягут в руки твои...
Будь и сильным, и нежным,
И надежным в любви.

Береги свою молодость —
Шелест первой листвы.
Пусть мечты твои светлые
Будут вечно чисты!

Чтоб поспорить с веками
Своей силой могли
Каждый дом, каждый камень
Обновленной земли!

Не какой-то далекой,
А вот этой, своей,
Что окупена кровью
Миллионов людей.

И на всем белом свете
Ничего нет родней.
Перед ней ты в ответе
И в долгу перед ней!

Владимир ДОГАДАЕВ

БУДТО СКАЗКА

Это чувство — не радость, не грусть,
И назвать я его не берусь.

Вспоминал по-за Юрьевцем дед
Светляки незапамятных лет.

Будто сказку рассказывал он
Про вечерний малиновый звон.

Про любовь свою, как на духу,
Про стерляжью на зорьке уту...

Лишь плохого не вспомнил никак
Избродивший полсвета бурлак.

Шелестели слова на губах,
И плескался Волга в ногах.

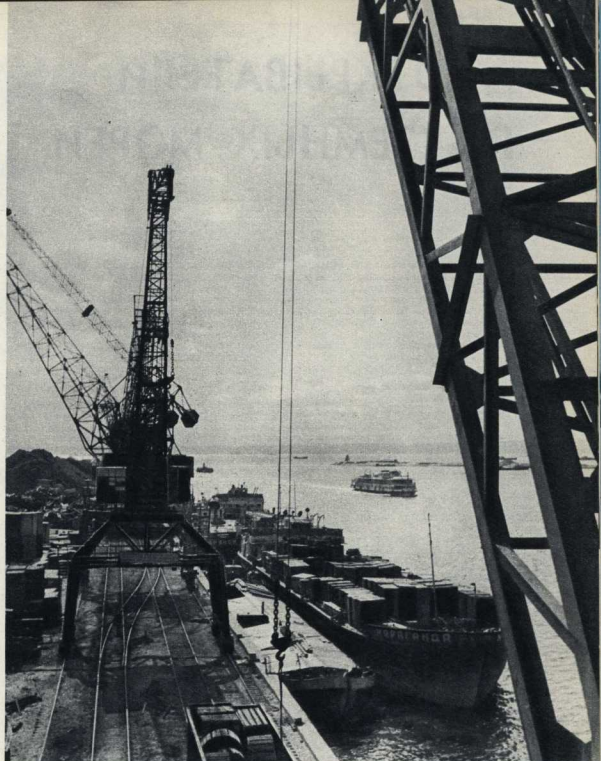
Вдур красавец речной — теплоход —
Как из дедовой сказки, плывет.

Сон не сон, а на явь не похож.
Дед хватает меня: не встревать!

И спешим мы по лугу вдвоем
За большими, как луна, кораблем...

Это чувство — не радость, не грусть,
И назвать я его не берусь.

В тихий вечер в тени шалаша
О хорошем пропела душа.

Казанский речной порт — один из крупнейших в стране. Ежедневно он пропускает мощный поток грузов — машины, хлеб, сырье, материалы... Причалы порта оснащены могучими механизмами, позволяющими ливнидировать тяжелый ручной труд. В ближайшие годы пропускная способность порта станет еще более высокой: его причалы примут грузы семилетки!

Фото С. Фридлянда.

Борис ШАХОВСКИЙ

ГРУСТИТ БАЯН

Баян всю ночь грустит не без причины,
Даватьа нынче тоже не уснуть:
Сердце влюбленных ровно половина
Отчалил на рассвете в дальний путь.

А утром берег голосист и тиесен.
Парит над кручей дымный платан,
И караван слеза взгрустнувших песен
Уходит вдаль от берега реж.

Друзей встречает седоватый Каспий,
Плынут колечки дыма к небесам.
О смихх плесах, о рыбацком счастье
Поет попутный ветер парусам.

Когда-то осенью плакучей
Нас ночь нелепо развела.
Ты не надеялась на случай
И слез на помощь не звала.

Гудели ивы при отъезде...
К стопам твоим горячих ног
Густые носики созвездий
Волна бросала на песок.

Немало лет промчалось мимо.
Беда, захлопнувшая дверь,
Казалась нам недолюмию,
Пустячной кажется теперь.

Та ночь — печальная царица —
Ушла неведомо куда,
Чтоб никогда не повториться
И не забиться никогда.

ПОДЗЕМНЫЕ ВОДЫ ПОДЗЕМНЫХ МОРЕЙ

М. ГИНДЕН

— была осень. В здании Казахской академии наук царило то особое оживление, какое обычно бывает при возвращении ученых из полевых экспедиций. Ботаники разбирали растения, привезенные в Алма-Ату из степей, геологи раскопывали ящики с минералами, собранными в горах.

Академик Уфа Мендыбаевич Ахмедсафин тоже вернулся из экспедиции.

— Сколько мы нашли воды! — восклицал он. — Непостижимо, и знаете, где? В самых безводных местах, в пустынях.

В кабинете Уфы Мендыбаевича — руководителя отдела гидрогеологии — находились обломки гранита и окаменевшие глины, образцы песка, бутылки с пробами воды, связка чая — тростниковое растение, прозванное «камшиком пустыни».

Уфа Мендыбаевич вынул из связки тростник.

— Мне чей знаком с тех пор, как я себя помню. А помню я себя прежде всего пастушонком, далеко не всегда сытым и не раз топившимся от жажды. В те времена я знал только один пейзаж: бескрайняя степь, покрытая скудной растительностью, да голубое небо над головой. И тогда еще, будучи мальшом, я по едва различимым приметам умел определять близость воды. Прямая эти были не пустыня, но верные. Увидел заросли чая — значит, вода где-то рядом.

Уфа Мендыбаевич быстро положил жесткую сумку камшику на край стола.

— Мы, гидрогеологи, давно ищем воду на открытых просторах пустынь Казахстана. И для нас большой интерес представляют растения, которые здесь встречаются. По эти растениям найдено немало источников хорошей питьевой воды — чистой, прозрачной, слаще меда на вкус. Но откуда в пустыне появилось это чудо? Она превращается из-под земли, это пресно? А из каких глубин? Много ли ее там? Достаточно ли ее запасов, чтобы обводнить и оросить близлежащие земли? Много интересуету этим ученые. И вот после многих лет исследований мы пришли к выводу, на территории Казахстана, под расклеванной солнцем землей, целые моря пресной воды!

Теперь, когда ученые владеют электрическим способом разведки недр, поиски скрытых скоплений воды намного облегчаются. Последней в землю электроток служит своего рода зондом. Каждая горная порода имеет свое электрическое сопротивление. И в зависимости от того, через какие породы проходит ток, он ослабляется по-разному — то в большей, то в меньшей степени. Зная характер породы, геолог судит и о том, есть ли поблизости вода, а какая она — пресная или соленая, — определяет нетрудно: соленая вода проводит электричество значительно лучше, чем пресная.

Но в ту пору, когда Уфа Мендыбаевич начал свои исследования, таких способов разведки недр в его распоряжении не было. В поисках воды исследовательские группы Ахмедсафина пробурили сотни разведочных скважин и колодезей.

Со временем искатели не только открыли подземные моря на территории Казахстана, но и проникли к тайнам их происхождения.

Давно известно, что геологические пласты имеют впадины. И если такие впадины образуются в водоупорных породах, то они, конечно, могут служить своеобразными чашами для воды. Тем более, что некоторые из этих чаш имеют в диаметре несколько сот километров; твердые, скальные породы образуют их дно, их основание; несколько выше распо-

лагаются, как правило, рыхлые породы — пески, галечники, известняки, которые пропускают воду.

Но откуда в эти чаши приходит вода? Естественно было предположить, что с поверхности земли просачиваются дождевые и талые воды. Такое объяснение показало бы вполне убедительным, не будь в нем одного узвимо-го места. Исследуя строение подземных морей и близлежащих геологических структур, Ахмедсафин заметил, что в большинстве случаев эти замкнутые водоемы прикрыты сверху мощными пластами глины. А глина водоупорна. Значит, с поверхности вода никак не могла просочиться.

Тщательно изучив рельеф местности абзизн подземных водоносных, геологи установили, что с далеких хребтов Алтая и Тянь-Шаня в подземные недра Казахстана приходят талые ледниковые воды. Они проникают в глубину недр еще там, где нет глины. По рыхлым фильтрующим породам просачиваются вглубь до тех пор, пока не достигнут скальных пород. Так на территории Казахстана образовались подземные моря.

Ахмедсафин развернул выполненную в красках сводную карту всех артезианских бассейнов Казахстана. На ней нанесено более пятидесяти крупных подземных водоёмов, каждый из которых простирается на десятки и даже на сотни тысяч квадратных километров.

— Эта карта интересна и тем, — сказал академик, — что, кроме обозначенных на ней бассейнов, далеко не все, где еще в Казахстане могут быть подземные воды.

Вместе с академиком Ахмедсафиным над проблемой подземных морей Казахстана трудился его ближайший помощник — молодой ученик Садыхов и Мухамеджанов. Дочери Садыхову принадлежит исследование Мангышлакских подземных водоносных. Оказалось, что Мангышлак — этот гористый полуостров — таит в глубине своих недр около ста миллиардов кубометров пресной воды.

Другой ученик Ахмедсафина, Серек Мухамеджанов, изучая бассейн рек Уланта и Чидерты, обнаружил, что глубоко под землей, в геологических трещинах и пустах, скрывается большое количество воды — двести миллиардов кубометров. А общий запас подземных вод Казахстана, открытых Ахмедсафиным и его учениками, исчисляется в пределах двух триллионов кубических метров. Этого вполне достаточно, чтобы обеспечить водой народное хозяйство Казахстана в течение ста пятидесяти — двухсот лет.

— Если вскрыть подземные моря и вывести воду на поверхность, то можно в довольно короткий срок решить такую трудную задачу, как освоение новых пастбищ и создание орошаемого земледелия в сухих степях и полупустынях республики. В Актюбинской, Южно-Казахстанской и Гурьевской областях, в ряде других районов уже сооружены фонтанирующие скважины такой мощности, что удалось обводнить большие массивы пастбищ и оросить земли для выращивания кормовых и огородно-бахчевых культур.

Конечно, это только начало. Но уже сейчас можно представить себе то недалекое будущее, когда вода из земных недр, веками лежавшая под спудом, оросит поля, приведет к действительным электростанциям. Как неумолимо изменится край, какое развитие получат производительные силы республики! Ведь недаром казахский народ говорит: «Где вода, там и жизнь».

Елена Рибинкина в роли принцессы из балета «Щеңгучин».

РОЖДЕНИЕ БАЛЕРИНЫ

Фото М. Муразова.

В программе было написано: «Одетта и Одилия» — выпускница хореографического училища Большого театра Е. Л. Рибинкина. Зрителя недоумевали: небывалый случай — «Ледяное озеро» одну из труднейших партий классического репертуара танцует ученица семидесятилетней школы!

Но смелый опыт Большого театра удался, появились еще одна талантливая балерина.

Рибинкина — танцовщица с ярко выраженным самостоятельным характером дарования. Она по-своему стремится воплотить величайшее творение П. И. Чайковского, решая многие артистические задачи с известной, пусть подосажденной, «полюемичностью». В третьем действии мы увидели не обычную «коварную» волшебницу, умело притворяющуюся Одеттой, а более сложную и яркую фигуру — олицетворение злого сил. Елена Рибинкина всем своим сценическим поведением сумела раскрыть подлинный смысл легенды. Такая Одилия действительно могла обмануть героя! В своем замке на балу принц увидел все ту же Одетту, все ту же избранныцу своего доверчивого сердца, только более блестящую, сияющую, планетильную...

Елена Рибинкина и ее одноклассник Александр Лавренко после репетиции.

Елена Рябинкина перед выходом на сцену.

Подобная интересная трактовка образа возможна лишь при наличии большого мастерства, умения перевоплощаться. Е. Рябинкина превосходно танцует. Блестящая техника, мужьяльность, пластика и тонкое «чувство меры» — вот что предопределило успех дебютантки.

Конечно, все это потребовало напряженного труда и ученицы и преподавателей. То, что казалось зрителям воплощением легкости,

изящества, приобреталось неустанной тренировкой в классе. Внимательно слушала Елена Рябинкина каждое слово своего педагога В. Васильевой и непревзойденной в прошлом Одетты-Одалии — Марины Семеновой. Именно поэтому в небывало короткий срок — за шесть недель — она подготовила с помощью Е. Герд и С. Корена труднейшую партию.

Юная балерина стоит на пороге славного, но труднейшего пути в искусство. И как доб-

рое напутствие хочется напомнить ей слова бессмертного Белинского:

«Будь молодому художнику, если он, успевши обратить на себя внимание публики, подумает, что с его стороны уже все сделано и остается только пожинать лавры рукоплесканий и вызовов. Талант образуется учением и жизнью и не скоро получает право почитать себя талантом...»

Анна ИЛУПИНА

*«Альбатрос»
Хороший мачт*

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ МИНУТЫ

Жаркий полдень. С моря, затянутого прозрачной снежной дымкой, веет еле ощутимый бриз. У причала, среди задымленных брусков и башки, покачивается на воде стройная яхта, похожая на белую чайку. Через несколько минут она распустит свои крылья-паруса, чтобы унести в заманчивые морские дали...

Хозяева яхты — молодые рабочие Ждановского судоремонтного завода, члены парусной секции ДОСААФа. В свободное время они построили себе этот прекрасный спортивный корабль, любовно названный «Альбатросом». Построили не кое-как, а по всем правилам судостроительной техники. «Альбатрос» прошел все испытания, не раз ходил в дальнее плавание и признан бывалыми моряками хорошим парусным судном.

Каждую субботу молодые судостроители прямо из цехов завода спешат на свою милую яхту, Морей. Можно ли придумать лучший отдых после трудовой недели! Подняв в субботу и все воскресенье юные яхтсмены наслаждаются крепким соленым воздухом, голубым простором. И от души радуются они, когда море встречает их штурмом.

...Вот наступила долгожданный час отплытия. Весь экипаж в сборе. Вечера это были такелажники, электрики, слесари, токари, а сейчас их трудно узнать. В белоснежных форменках, они выглядят как заправские моряки. Все, как на подбор, молодцы. И с ними «салда-черномор» — капитан Иван Дмитриевич Пискарев, отдавший морю около пятнадцати лет своей жизни. Где он только не плавал! Не бдучу тысячу миль прошел вод парусом сквозь штормы и штормы. Ветры многих морей знакомы ему. И несладко экипаж так гордится своим замечательным воспитателем. В любой шторм чувствуют они себя с ним бесстрашно.

На пристани собралось много провожающих. Как завидовали заводские ребята счастливым качкам, уходившим на целый месяц в море!

— По местам! Паруса ставить! — слышались команды капитана. В эти торжественные минуты его доброе лицо стало неузнаваемо строгим.

И «Альбатрос» развернул свои белые трене-

шущие крылья и, немного кренясь, отвалила от причала. Повинуясь воле рулевого, яхта понеслась в сторону Керчи. Матросы, стоя на палубе, закрили:

*Ну-ка парус, ветра полны,
Разверни смелей, матрос!
Пусть летит по синим волнам
Быстрокорый «Альбатрос»!*

ТИШЬ ДА ГЛАДЬ

Прошли Азовское море, Керченский пролив и вышли в Черное море. Взор открылись ниссе берега и воды. Но как назо на всем видимом голубом океане парит штиль: словно туго натянутый брезент, слегка колышет море.

Штиль да еще восточное морское течение. Вот наказание! Попробуй в таких условиях идти вперед.

Мудреная наука — ходить под парусом. Она дается не сразу. Но Ивану Дмитриевичу, капитану «Альбатроса», испытанному мореходу, удалось передать эту науку своим питомцам. Иван Дмитриевич внимательно следит за парусом.

— Жени! — зовет капитан вахтенного матроса Подольникова, совершающего первое в своей жизни дальнее плавание. — Слышишь, как стаксель! Полощет, подберика малость его!

Капитан показывает матросу-новичку, как надо затянуть шкоты, чтобы на парусе не было ни единой морщинки, чтобы он ловил дуно с наибольшей силой. Молодой матрос ловко подбирает парус, меняет его угол по отношению к ветеру, и яхта ускоряет ход. Паренек очень доволен. Благодарным взглядом провожает он капитана.

Иван Дмитриевич — в штурманской рубке.

— Каким курсом идем? — спрашивает его рулевого Леоно Мофа.

— Зной-зной-ост! — четко отвечает бравый матрос.

Наслаждение — стоять за рулем! Перед тобой бескрайнее море — то синее, то голубое, то зеленое... Легко вращается в руках рулевого

штурманское колесо. Так бы плыл и плыл без конца...

— Ну как, хорошо идет «Альбатрос»? — осведомляется у рулевого капитан.

— Чудесно идет. Жаль только, ветерка маловато.

— Да, не мешало бы поштурмовать, а то дальнее плавание получится, — говорит Иван Дмитриевич. — Положи, хлебец еще соленой водочки. Думается все же, что где-нибудь трахнет нас...

Иван Дмитриевич любуется уверенными движениями молодого моряка. Паруса на его вахте превращаются как бы в крылья птицы. Он умеет «выжать» всю силу из ветра, поэтому во время его вахты судно не прыгает, а летит. Вахта сменяет вахту. Жизнь на паруснике идет по строгому расписанию. Куда бы вы ни заглянули: на палубу, в салон, в каюты, — всюду чистота и порядок. Матросы исправно несут службу и забывают, с любовью ухаживают за своим корабиком. Они также находят время почитать хорошую книгу, почитать в шахматы, послушать интересные рассказы помощника капитана Александра Петровича Швермана. Ведь он тоже бывалый моряк! И он исходит на своем кеме почти все моря...

Восвоя планит каждое шедрое солнце. Палуба так накалена, что босиком невозможно ходить по ней. Но свободные от вахты ребята приладились здесь загорать. Как ни в чем не бывало лежат они под жгучими лучами, бронзовые, коричневые. А когда уже немощь, встают, разбегаются вдоль борта и, словно летучие рыбы, бросаются в море. Каждый умеет глазоком изрять, подхватить на лету брошенную в воду монету.

Ночь. В чернильном мраке не видно моря. Лишь слышно, как оно шепещит, журчит у форштевя. У руля вахтенный штурман Юра Никитин. Юноша преспокоен гордости. Шутка ли! Ему доверен корабль! И ведет он его в такой ответственный час! Пусть ничего вокруг не видно в крошечной черноте ночи, но яхта не собьется с заданного курса. Юный штурман вооружен всеми необходимыми приборами и отлично пользуется ими.

Вперед повисли огоньки: красный, отличительный, и два белых топечных. Это идет паровое судно, идет на перехоке легким бортом.

1 Стаксель — юной треугольный парус.

Участники рейса «Альбатрос».

Она не меняет ни курса, ни скорости: парход всегда уступит дорогу паруснику. Все время надо всматриваться в непродолжительную тень, чтобы не проморгать появление корабля.

На полубаке слышен говор. Там собралась матросы. Они с нетерпением ждут появления на небе искусственного спутника Земли. Александр Петрович пользуется случаем, чтобы проверить, хорошо ли разбираются юноши в созвездиях. В бездонной синеве сверкают крупные и очень яркие звезды. Серебряной тропой пролегал среди них Млечный Путь.

— Спутник! Спутник! — вдруг проносился по палубе.

Весь экипаж поднялся наверх приветствовать прозвучившую советскую звездочку, которая быстро проносилась по ночному небосводу и исчезла за горизонтом.

Был поздний час. Но никому не хотелось спать, не хотелось расставаться с очаровательной южной ночью.

НАВСТРЕЧУ ШТОРМУ

Плавание «Альбатрос» подходило к концу. Морьяки были довольны путешествием. Целый месяц провели они в открытом море. На яхте нет двигателя, ни мотора. Такое судно зависит от капризов морской стихии. В любую минуту морьяки должны быть готовы к неприятным неожиданностям. Море слабых не любит!

Сбылась мечта матроса

Три года назад в одном из юношеских номеров «Смена» рассказывала читателям о работах скульптора-самоучки Михаила Кузюлева. Тадашній юноша служил в то время матросом в Краснознаменной Каспийской флотилии и в свободные часы занимался валянием. Воспроизведенные в «Смене» первые работы Кузюлева обратили на себя внимание художников и скульпторов. Народный художник РСФСР Н. Жунов в то время писал: «У Михаила Кузюлева есть все творческие данные, чтобы из матроса-самоучки вырасти в большого мастера-профессионала».

Кан не сложился дальнейшей судьба Михаила Кузюлева? Вернувшись после демобилизации в родные края, он твердо решил посвятить свою жизнь любимому делу, ставшему его призванием. Он начал изучать историю искусства, теории живописи и валяния, занимается с преподавателями выходящими скульпторов. Огромную пользу принесло ему

Одно лишь огорчало юных мореплавателей в этом рейсе: на всем пути от Джанова до Батуми, а затем от Батуми до Сочи их сопровождала хорошая погода. Они жаждали встреч с бурей, а бури все не было...

...Вышли из Сочи. Жара стояла нестерпимая. Ребята то и дело прыгали с накалившейся палубы в Рыбаль Рыбал.

Это Леся Мофа вынырнул из пучины, держа в руках большую трещущую рыбку. Ребята бросились к товарищу и тут увидели под собой в прозрачной воде серебристый косяк стайки. Рыбы было столько, что пловцы выхватывали ее из воды прямо руками и бросали на борт яхты. На «пир» подоспело целое стадо сельдинок. Не обращая внимания на матросов, они лавировали стайкой у самого борта парусника.

Увлеченные прямо-таки скачущим ловом рыбы, матросы не заметили, как откуда-то накатилась мертвая зыбь. Море наморщилось короткими, но резкими волнами. Но в воздухе в этот момент по-прежнему вела лишь легкий ветерок.

Яхта шла тихо, но сбоку, с южной стороны, ее толкала зыбь. И «Альбатрос» так залепал на волнах, что невозможно было стоять на палубе.

Как раз во время этой болтанки яхту застигла темная, тревожная ночь. Весь экипаж был поднят наверх.

Под утро, когда начало светать, матросы увидели, что совсем близок берег — до него осталось каких-нибудь 2—3 мили, а ночью парусник находился от него в 15—20 милях: зыбь подбила яхту к берегу.

Опасное положение! Что делать? Но капитан ничем не выдавал своего волнения. Он спокойно и четко отдавал команду.

И, глядя на него, повеселели матросы. Они были уверены, что все кончится хорошо. Ведь кораблем управлял такой опытный моряк!

Капитан командовал развернуть яхту. Парусник пошел течением на юг, в открытое море, но уже в обратную сторону, к Сочи.

Взошло солнце. Яхта благополучно вышла из

зыби и взяла курс на Новороссийск. Но почему помощник капитана Александр Петрович Шеерман так пристально вглядывается в даль? Что он там увидел?

— Там, на море, пена, значит, будет буря! — сказал он обступившим его матросам.

И действительно. Через час полуд. норд-ост. Небо затянуло серыми, тяжелыми облаками. Ветер дул с такой силой, что затрещали мачты и развалился один из парусов. Это тотчас же заметил вахтенный Женя Половинков. Он хотя и впервые встречал шторм в открытом море, но не растерялся, сделал поворот и тем самым вывел яхту из-под ветра. Капитан приказал смывать¹ парус. Стоя под страшным свистом и порывами ветра, Женя быстро поочередно порывало место.

И снова яхта понеслась вперед. Размывавшийся норд-ост вздымал огромные волны. Казалось, вот-вот парус коснется воды. Леся Мофа торжествовал, любящая картинкой живописавшего шторм.

Ничего, ничего! Крепись, Женя! — ободрял он вахтенного Половинкова. — «Альбатрос» не перевернется.

Капитан и его помощник были наверху с молотками. Работы хватало всем. Женя Половинков не отставал от других. Ую, юночек, разрывное море сейчас уже не казалось таким страшным, как раньше. Везд рядом с ним были его отважные и умелые товарищи, которые стойко выдерживали удары ветра и волн.

Под вечер шторм начал стихать и вскоре прекратился вовсе. Вплоть «Альбатрос» шел среди тишины. Голубая, прозрачная вода сменилась мутной, желтоватой. Яхта шла Азовским морем. Внезапно в сильной дымке высветился берег и силуэт родного города Мариуполя. Экипаж «Альбатрос» в полном составе стоял на палубе.

Все были одеты по форме. Как загорели и подзолдели ребята всего лишь за один месяц! Легкий им покажется завтра парус в цехах завода.

— Ну-ка горевали, что наш рейс обойдется без шторма. Говорил же я вам, что тряхнет, и тряхнуло! — Сказав это, капитан весело посмотрел на юные счастливые лица матросов, один из которых, Леся Мофа, звонким голосом затнул любимую сузовую песенку:

— Ну-ка парус, ветром полинь,
Разверни смелей, матрос!
Летит летит по синим волнам
Наш красавец «Альбатрос»!

Пославшие слова песни дружно подхватили весь экипаж.

¹ Смывать — спускать.

«Молодой строитель». Эта скульптура экспонировалась на Всесоюзной художественной выставке «40 лет ВЛКСМ».

Портрет колхозницы.

Поинт на фото и о нем, примерно матрос-номеродом. Большую радость доставило скульптору письмо вице-адмирала А. В. Кузюлева, которое передал Вячеславу Кузюлеву налицущие пожелания от моряков Краснознаменной Каспийской флотилии.

Б. ЗОРИН

МУРГЫН — ДОКТОР

Очерк

Рисунки Л. Хайлова.

Утром встревоженно гудела веселая палочка. В каждом доме обсуждали новости: ночью старший Тымаргина вынес тело умершей жены, положил на снег вместо приманки, расставил вокруг напканы, а на рассвете принёс домой три еще теплых пса, отлавливших едва заметной весенней желтизной...

Александр узнал об этом позже всех.

— Этим же по-чужому поздравляла? — спросил он одного из чужей. — И кто разрешил так дико хоронить ее?

— Не знаю, — ответил тот. — Спроси Тымаргина по-чужому.

Холодный, резкий ветер с океана свел лицо. Александр натянул на глаза волчий малахай и пошел вдоль берега. Намеренно замедляя шаг, он думал, как говорить со стариком. Во всем, что случилось, он винил только себя.

Старик стоял на коленях и медленно втирал в вывернутую шкуру пса женские отруби.

— Спроси Тымаргина по-чужому. Несколько минут оба молчали. Тымаргина даже не шевельнул головой. — У тебя умерла жена!

Коричневые сухие ладони старика мягко прижали по шкуре. Несколько минут оба молчали. Варуг старик поднял глаза.

— Танника... Что тебе надо? Келе приходит к человеку один раз. Он придет и ко мне и к тебе. Ты говоришь, что мог бы спрятать Тымене от смерти. Я не верю тебе, Ты танника... Вот почему я не звал тебе давать ей сухой снег в бумажке. Что с того, что ты надел торбаса, малахай. Тебе не понять нашей жизни. Моя жена и после смерти подарила мне три пса. Смотри...

Он вывернул шкуру и поднял ее к свету. Белый мех змил, засверкал в солнечных отблесках. Глаза старика насмешливо сузились...

Так впервые услышал Александр свое прозвище — «танника». Танника — значит доктор. Но слово вменяло в себя и много других значений: чужой, пришелец, маленький...

Доктор, чужой, маленький... Под торбасами хрустел плотно утоптаный снег. Александр шел домой, низко опустил голову, и с горечью думал о словах Тымаргина. Да, нелегко было начинать путь врача здесь, в тундре...

Свою работу Александр начал с обхода бревенчатых домов, вытанчивших изогнутой цепочкой вдоль берега. Черноглазые ребята смотрели на него с любопытством, смуглые лица взрослых не выражали ничего, кроме базарщины. В домах его встречали гостеприимно, угощали чаем и, пока он медленно прилеплялся из блодачка, негромко перегова-

ривались между собой гортанными словами.

Прошли три долгих зимних месяца, но многое оставалось таким же, как было. В Больную лиху изредка заглядывали прудившиеся охотники и просили таблетки аспирина.

Одни за другим тонули стужные дни в пустом доме и тоскливые вечера с воспоминаниями о Львова, цветущих каштанах, веселых друзьях... Часто заходил начальник почты Лаврентьев, успокаивал бесцельными советами.

— Зарплата тебе идет? Идет, — говорил он. — Больных нет! Нет. Ну и не горюй! Жизнь, а тоска прядет...

2

Александр мог бы отложить поездку в тундру до лета. Но хотелось скорее побывать в самых дальних бригадах, испробовать свои силы.

То, что случается в первый раз, обычно запоминается на всю жизнь.

...То-то мясцо толкнул мешком. В утробенн сумраке Саша увидел, как над ним склонился круглое лицо.

— Вставай, едем. Надо спешить. В тундру тельвет!

Так начался восьмой день поездки. Вместе с Александром ехал Федор Исани, заготовитель. В ярангах пастухов он чувствовал себя как дома: с аппетитом обгладывая мясо с оленьих голеник, громко стуча сумкой рукояткой ножа по костям, выколочивая некий мозг, как бы мимоходом говорил о деле, уточнял, что нужно привезти оленеводам...

Они побывали в двух пастушеских бригадах. Чужих хорошо переносили противобуржуазные уклады, выслушивали беседы. Александр смотрел на их смуглые возбужденные лица, и с сердцо

медленно сходила обида, нанесенная словами Тымаргина. И он уже не просто осуждал, как раньше, безразличности и недоверие людей, их странные обычаи: он понимал, что здесь нужно хорошо поработать. «Сможешь ли ты!» — спрашивал он себя.

В бригадах Александр нашел девушек, окончивших несколько классов школы, и, поговори с ними, оставил походные аптечки. Он тщательно разбирал, как и в каких случаях пользоваться лекарством, особенно подробно рассказал об уходе за детьми.

Федор Исани торопил. Он спешил в третью бригаду, чтобы покончить со своими делами. Да и весна уже наступала на пятки.

Дорога в тундре — понятие весьма условное. Если ветер дул в правую шкуру и слева виднелась огромная сопка Ратиней, — значит, дорога была верна. Но что было делать, когда сопку завалил туман! А потом повалил снег, да такой густой, что даже ближняя к карте собака казалась серым пятном.

Проваливаясь в снег, Александр и Федор Исани брели, держась за дугу нарта. Давно уже должны были бы встретиться следы стада.

— Заблудились, — ирвано сказал надей Федор Исани, лицо его как-то обмякло, стало растерянным. — Надо двигаться... куда-нибудь, но двигаться. Чувствуешь, тельвет! Если нигде не доберемся, пропадаем!

Подталкивая нарты, они пошли на север, и океану. Внезапно нарты остановились.

— Воды! Истужливо крикнул он. Нарты назад!

Александр упал на снег и потянул нарты. Собаки медленно попятлись назад. Цепляясь за упряжь, из себя выбрался Федор Исани.

— Внизу вода, — тяжело дыша, сказал он. — Здесь сотни ручейков... Он снул торбаса и надел запасник.

Александр не передавала тревога Федора Исани. Его волновало другое: на нартах лежали аптечки, прививка и ампулы с кровью и пенициллином, а в третьей бригаде врача ждал больной лагуст...

Снег прекратил свой бешеный танец. Проглянуло солнце, в лицо пахнуло теплым, весенним ветром.

Нарты провалились в рыхлый снег. Собаки ползли, по груды утопая в мягком крошеве, и, высуна языки, хватали пастинами снег. С каждым шагом движение замедлялось. Александр повернулся к спутнику.

— Мы же угробим собаку! — Что ты предлагаешь?

— Идти заморозком! — сам удаляясь своей уверенности, указал Александр.

Он лег спиной на нарты и стал смотреть в небо.

Прошел день, второй, третий... Федор Исани молчаливо и медленно залил растопленным снегом последний кусок мяса. Александр отрядил крошки сутаря в рот. Разговорить не хотелось. Осветляло светлого солнца. Терпеть оно почти не сходило с неба. Шел четвертый день...

Они проснулись одновременно от громкого лая собак и сразу, высунувшись из спальных мешков, почувствовали мороз. Собаки грызли и прыгали, стараясь согреться. Ослабевшими руками оба свернули и уложили мешки. Едва успели броситься на нарты, как собаки рванули и понеслись по сверкающей снежной морке. Такой бешеной гонки Александр еще не видел. За семь часов нарты ни разу не остано-

лись, и только снежные блистки летели из-под лба собак...

— Даже незаметно! Бригады Эткинда увидели, узнав, что за такое время они покрыли расстояние чуть ли не в двести километров.

— Где больно? — спросил у него Александр. — Подем.

— Доктор, ты носи, отдохни. — Нет, подем, — повторил Александр и снял с нарт сумку с аптечкой.

Большой сидел в пологе, и седая чучанка, видимо, мать, впикивала ему в рот мелкие кусочки мяса с галетками. Сломанная рука его была обернута свежесобранной шкурой теленка.

— Свет, — попросил Александр. Где-то достали керосиновую лампу, и чучанка осторожно поднесла ее к больному. Александр резернул шкуру. Мягко касаясь докта, он осушил место перелома... Через несколько минут перевязанная чистым бинтом и заткнутая между двумя дощечками рука покаялась на нерпичьей шкуре.

— Федор Исач уехал один. Александр остался в стобийце.

Возвращаясь он из тундры в конце мая. Когда из-за сопки вынырнула рослая златая огонь-кошка, радостно заблосив сердцем Александр успел сосунуться по поселку. Многие поняли, о многом узнал он за те недели, которые провел в ослепительных снегах, теплых яврагах, среди замкнутой, неподвижной пастушки. Вместе с ними переносил молодой врач

все невзгоды кочевой жизни, начиная даже бросать муть в прощальных благословениях. Больного он оставил, когда увидели, что рука срывается правильно.

3

Ноги почти по колено провалились в мох, а воздух звенел от бесчисленных тул мошари: Камин-то путями гусь пропирал сквозь наломанник, лез в уши, в глаза, в нос, мешал дышать. Тело обмывало потом, спина сгибалась под тяжестью семидесятикилограммового рюкзака, наполненного медикаментами и продуктами.

Александр то и дело поглядывал на своего товарища, зотохника Толю Смирнова. Пареньки было еще труднее, кроме прощальных, он читал противоязвительный оприватель. Александр замечал, как все короче и медленнее становились его шаги. Сам он тоже готов был вот-вот упасть, но упорно шел все дальше и дальше.

Смирнов, лучше Александра знавший тундру, предложил направиться к морю и идти через горы Кибара и кибте. Нольда. Вскоре они вышли на берег.

Угрюмые голые скалы подступали к самой воде. Внезапно галечная полоса сузилась, а затем уперлась в скалу. Дорога оборвалась. Справа высоко вверх поднимались каменные уступы, слева лежало море. Навдо было

возвращаться назад, идти в обход. Но это значило потерять поloseную стую.

— Давай-ка обойдем скаву вброд, — предложил Смирнов. — Чучки говорили, что здесь неглубоко.

Первым, держа рюкзаки над головой, в ледяную воду вошел Анатолий. За ним — Александр. Вода поднималась все выше и выше, затем дот до выровнялось, и они сделали брелы вдоль берега, расталкивая грудью маленькие ледники...

Так начался второй поход в тундру, летний.

Вместе с Толей Смирновым Александр обошел три бригады. Домой он возвратился загорелый, обросший, худой. Он не мог бы ответить на вопрос, какой из двух его походов был труднее, но в одном он не сомневался: Александр понял, что можно связать свою судьбу с этим краем, что выдержит все, что выпадет на его долю...

4

Вторая зима, наполненная сотнями забот и дел, наступила незаметно и так же незаметно для себя оказалась голубым туманом дальше к полюсу. За быстролетной северной весной наступило лето, расплывшие последние островки снега в оврагах, перерывавшие белыми спицы хребтов в темные тона.

...В одно постучали громко, настойчиво. Потом срывающихся

голос стало-то прокричал по-чукотски.

Это был пастухом Ковариз из бригады Эткинда. Он сидел на земле и беззвучно всхлипывал. Как он добрался до поселка! Бригада Эткинда находилась в ста километрах отсюда.

Когда Ковариз отдался и успокоился, Александр услышал страшную вест: жена Эткинду умерла после родов.

— Эткинду нет... — рассказывал мальчик — Омригрен живет в явраге старье шкуры, кости... пригает ворку Вилькеичейну с бубном... не дает воды... Она умрет!

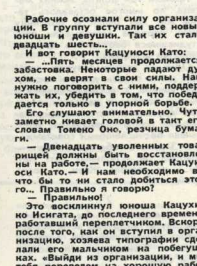
Десять лет назад комсомолец Василий Эткинду рыскал в самом отдаленном уголке тундры стадо бывшего шамана Омригрена и привел его в колхоз.

Омригрен сделал так, что согласен с новой жизнью. Он перешел в бригаду Василия Эткинду и выжидал время. А теперь бывший шаман остался один с тремя женщинами в летнем стобийце. Жена Эткинду должна была родить, и Омригрен решил, что он поменяет свою старую жизнь на девять.

Медлить было нельзя, у женщины, видимо, началась послеродовая горячка. Александр схватил ее с рабомом, чтобы вызвать вертолет. Но из Певека ответили, что машина находится далеко в верховьях Омидона и прилетит не раньше чем через три дня. Александр решил идти пешком.

И он шёл, стараясь не сбавлять шага. Когда силы подходили к концу, в голову навсего лезть нездоровые мысли: «Вот опят ты один тащешься по этой луже, сдыхаешь от усталости, а ведь где-то люди живут по-другому, не зная тревог и забот. Ты маленький человек, уйдй — и в тундре ничего не изменишь... Тогда Александр до боли стискивал зубы и еще упряме шаг вперед.

Он вспоминал список, который вывешивал в клубе после обхода домов комсомольцами. Прозвучавшей фамилии становилась отметка за чистоту: «три, четыре, пять». Пусть Лаврентьев намешиво назвал этот список «эрацион културны», но для Александра он был частью великой силы, ломающей старые привычки. Александр вспоминал, как даже протис фамилии Тынаургина появилась отметка «четыре», как сияли в домах тяжелые шкуры с оюм, а юнки начали за-

Заседает комитет «КИОДО»

— Посмотрите: ниного там нет в коридоре! Девушка встает с циновики и выглядывает за дверь. Затем плотно закрывает ее за собой и возвращается к низкому столу.

— Нет ничего! — говорит Кауциус Като, руководитель группы типографаии «Кинодо», одной из многих групп Всесоюзного союза молодежи.

Их сидят в небольшом помещении на втором этаже типографии. Это — типичное японское жилище с циновками на полу и столиком, за которым можно сидеть только на корточках. В одном из углов комнаты навалены матрасы. Здесь обычно ночуют те, кто живет далеко от места работы. В дни тайфунов, когда океан наваливается на город, администрация обязывает отпустить рабочих; журналы должны выходить при любой пого-

де. Поэтому и устроена такая ночлежка.

Их собралось, чтобы обсудить только один вопрос: нам необходимо ли поговорить о нашей участии в забастовке, — говорит Кауциус Като.

Ему двадцать один год. Четырнадцатилетним подростком поступил он в типографию — сначала был помощником рабочим, потом стал учеником переплетчика... Три года назад Кауциус с другими организовал крупную четину. Их было тогда только четверо. Они проводили громкую четку газет, журналов, книг, а в один из дней встретились с рабочим-коммунистом, и тот посоветовал им создать молодежную организацию.

Когда организация только создавалась, те четверо активно участвовали в работе профсоюза, выступали на митингах, требуя выдавать отпусковые пособия рабочим.

Рабочие осознали силу организации. В группу вошла даже бывшая юноши девушка. Так их стало двадцать шесть.

И вот говорит Кауциус Като: — Пять месяцев продолжается забастовка. Неноторопа падает духом, не верит в свои силы. Нам нужно поговорить с ним, поддержать их, убедить его в победе. Дается только в упорной борьбе. Его слушают внимательно. Тут заметно меняется тон его, так же словам Тоюмо Оно, резчица бумага.

— Двадцать уволенных товарищей должны быть восстановлены на работе, — продолжает Кауциус Като, — и нам необходимо во что бы то ни стало добиться этого. Правильно я говорю? — Правильно!

Это восклицание юноша Кауциус Исигата, до последнего времени работавший переплетчиком. Вскоре после того, как он вступил в организацию, козлеца типографии сделали его мальчишкой на побегушках. «Видя из организации, и мы тоже перевели на хорошую работу», — он раз говорил. В эту чинию из администрации. Но юноша не изменил своей позиции. Он был своих товарищей.

«Все ли ясна задача? — спрашивает Кауциус Като. — Все!».

Они уходят по цехам. Кауциус Като рассказывает о том, как его сверстники борются за лучшую оплату. — Мне очень хотелось попасть на работу в Фугаче. Но в итоге поездка оказалась слишком дорогой для организации, — говорит Кауциус Каюсу. — В эту, конечно, не поладу, — смущенно улыбается юноша. Но в то же время молодые рабочие Японии примут участие в этом фестивале. А те, кто не поедут, будут в отбуг с упрямыми силами отстаивать дело ярия у себя на родине.

Я уже находился в Москве, когда до меня дошла известия о том, что рабочие типографии «Кинодо» добились победы: двадцать юноши были восстановлены в типографии, снова получили работу.

Комитет «Кинодо» действует в

В. ПАХИТЬКО

стивать верблюдскими одеялами. Он думал о крепких, здоровых младенцах, которые уже не исходили плачем, задыхаясь в меховых комбинезонах, а лежали в чистых кроватках... Александр видел перед собой и завывающую красную ярангу, и зоотехника, и секретаря райкома партии — всех, кто помогал ему, искренне заботясь о людях. «Маленький человек! Не из маленьких и, главное, не один!»

«Стобище казалось вымершим. Не было слышно даже гризны собак, над тремя ярангами нависла какая-то странная тишина. Александр подошел к яранге бригадира и заглянул в щельку. У догоревшего костра, склонив седую голову на грудь, спал Омьргин.

Внезапно раздался истонный крик:

— А-а! Мамыль! Воды!.. Александр вскочил в чоттагин, бросился к пологу и откинул тяжелый меховой завес. В темноте, пропахшем гарью углю лежала роженка. Рядом с ней на шкурах барахтались смуглое маленькое теленце. Дрожание, слабые руки чуждого парня, асептический запах, женщина пыталась приподнять, но снова со стоном падала на шкуру. Александр поднес ребенка к матери... Он напоил женщину теплым бульоном, на термосе и, расстелив около яранги шкуру, покрытые простыней, вынес ее на воздух.

Целые сутки не отходил Александр от роженки. И лишь после того, как большую чумканку бережно прижимавшую к груди ребенка, на носилках внесли в вертолет, он спокойно закрыл глаза и мгновению уснул.

Через неделю, через несколько дней, ему рассказали, что старый Омьргин взял винтовку, рюкзаки и ушел из стобища куда-то на восток. Больше его нигде не встречали.

5

Они сидели вдовне в уютной избушке, отдымая после обычного путешествия в глубь тундры: молодой якор Александр Волфсон и его побратим каюр Рыге-

тен. За оном визжала пурга. Маленький ярдочный сани трепетал от каждого слова Рыгета.

— Ответь мне, доктор,— говорил он и смотрел на Александра карими пронзительными глазами,— зачем ты идешь в тундру? Твои кожа мягка, глаза болят от блеска снега, ноги и руки мерзнут в пургу. Ты не умеешь ходить по тундре... Зачем ты идешь, скажи! Почему ты отдал мне свою кровь, когда я умерал от ран, скажи! Говорят, ты родился там, где солнце светит даже зимой, где люди не ходят в кулянках, а воздух теплый, как жар жирника.

— Да,— устало сказал Александр.— Я родился в городе Льево.

— Я не видел его даже на картинке,— вздохнул Рыгетен. Он помолчал, а потом тихо проговорил:— Раньше ты обижался на чужей за недоброе. Разве можно верить каждому? Но тебе мы поверили, что ты тут один, друг. Ты помогаешь нам. Ты мурзин,— доктор, наш.

Рыгетен, уткнув подбородок в развернутые ладони, смотрел на одиозного в сумраке обветренного лица врача и долго, подбирая слова, говорил о русских. Горячий воск со свечи текла на ржавую жестяную, ставшая матовой лепешкой. Но Александр ничего не пытался. Прислушался к стене и уронию голову на плечо, он спал.

Рыгетен тихоенько встал и, осторожно открыв дверцу пещури, бросил на тлеющие угли сухой плавленник...

г. Магадан.

Идея
«Смена»

В августе в Москве начинается Вторая спартакиада народов СССР, в которой примут участие слышнейшие спортсмены страны. Команды союзных республик будут соревноваться по двадцати двум видам спорта, а команды колхозников физкультурники — по пяти видам. В дни спартакиады народы с известными мастерами на беговых и водных дорожках, на волейбольных и баскетбольных площадках, на кортах и рингах встретятся совсем еще молодые спортсмены, чьи имена сравнительно недавно получили всесоюзную известность. Из разных уголков страны в столицу съедутся около 10 тысяч юношей и девушек!

Редакция журнала «Смена» в честь Второй спартакиады народов СССР учредила два приза для самых молодых победителей соревнований.

Для присуждения призов «Смена» образовано жюри в составе: В. Куч, В. Кузнецов, Л. Калинин, А. Мудявцов, Л. Машков, А. Старостин, Л. Спири и Л. Давыдов — от Центрального Совета Союза спортивных обществ и организаций СССР.

ЧЕРЕЗ ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

Начало этой истории относится к лету 1941 года. В тот период легионист Александр Сергеевич Ковалева служил на западной границе. Перед тем, как уйти на фронт, он отправил с ушелюном эвакуируемых трехлетний мальчугана. Дядю за Станиславом она села на полугусовую машину. Ехали день и ночь. На одной остановке Ковалева пообещала шифера подержать на руках Ковалева, а сама с Володей побоялась в село отойти. Кругом была зима, не было ни снега, ни льда. Когда вернулась, не нашла ни шифера, ни девочки. На месте, где стояла машина, дымилась развороченная взрывом земля. Там Надежда Мартыновна потеряла дочь.

Через несколько недель фашисты настали голоном беженцев. Ковалева, как молодой офицер, отправил в концентрационный лагерь. Вместе с сыном проникнулась в концлагерь. Там она жила до лета 1942 года. Не вытерпев издевательств и любви, Надежда Мартыновна тяжело заболела и вскоре скончалась.

Мальчик после смерти матери остался в лагере. Женщины присказали за него, нормалю, брали с собой на работу. Там тинулесь дни маленького узника.

Гитлеровские оккупационные власти в 1943 году создали на озере Льево так называемый «Киндеркуарт» — детский дом. Полагал в этот дом и Володя Ковалева. Когда советские воины подошли на Льево, гитлеровцы перевели «Киндеркуарт» в Беховское, а в местечко Орличин. Здесь в начале апреля юные узники под руководством опытных воспитателей советской учительницы Мелани Михайловны Мелани устроили бунт. Перебегавшая начальница лагеря поехала в Прагу доложить о случившемся гестаповцам. А в это время чешские партизаны во главе с коммунистом Вацлавом Горским ворвались в лагерь и увезли советских детей.

История подразделение Советской Армии соединилась в районе Орличина с партизанскими отрядами. Володя Ковалева вместе с другими ребятами был направлен в Балашовский детский дом. Окончив семь классов, он поступил в школу. Там он узнал историю своей жизни, а еще через три года по путевке комсомола уехал в Казахстан, в поселок Магадан.

Осенью прошлого года юношу

привзвали в ряды Советской Армии. Владимир должен был овладеть специальностью механика-водителя танка. Для безупречную службу командование часто решило в виде поощрения молодого воина написать письмо его родителям.

Но рядовой Ковалева из детдома, заметил лейтенант Стоянов, секретарь комсомольского бюро Батайского.

— Написал письмо по месту его прежней работы,— сказал командир.— Истак,— добавил он, заду мавыши,— мне сейчас одна мысль в голову пришла... На зимней спартакиаде выступил боксер, старший сержант Ковалева. Уж больно похож на нашего Ковалева. Не брат ли!

— Все может быть. Давайте дадим Ковалева выступить боксер, старший сержант Ковалева. Уж больно похож на нашего Ковалева. Не брат ли!

И вот у проходной соседней части стоит рядовой Владимир Ковалева. К нему настрочку выходит подтянутый, стройный старший сержант.

— Я к вам по личному вопросу, Мов... Давидович Ковалева... Ковалева! — удивился старший сержант, приставив взгляд на Владимира. — Как тебя звать?

— Владимиром.

— А родители у тебя есть?

— Нет...

И Володя рассказал историю своей жизни.

— Постой, постой! — заволовнал

сл. старший сержант.— Сними-на гимнастерку! — Зачем!

— Садись у меняш.— И сам раздвинулся до пояса.

Братый! У одного и другого глаза на груди были отчетливо заметны одинаковые коричневые шрамы.

— Володя, браток родной! — вскринул старший сержант и обнял брата.

— А тебя как звать? — спросил младший.

— Георгий зови, Жорой... Было в 1941 году в Москве с двумя братьями после восемнадцатилетней разлуки.

А жизнь Георгия сложилась так, будто инкунация он провел с батюшкой в селе Яблонново. После освобождения села советскими войсками поступил в школу. Бабушка вскоре получила известие о том, что Александр Сергеевич Ковалева в 1941 году пал смертью храбрых в боях за Родину. О дочери и о двух внуках ни слуху.

Незадолго до смерти бабушка сназвала Георгия:

— Моему еще найдутся нашим... Младшему я так и не видела, а у старшего — какой-то грузинской родича, совсем как у тебя!

Потом Георгий уехал в Донбасс, работал на шахте. Стал одним из годов его привзвали в армию.

— А родители у тебя есть?

— Нет...

И Володя рассказал историю своей жизни.

— Постой, постой! — заволовнал

Майор С. ДЫХИЗ

КАМБАЛА-ГИГАНТ

У черноморцев есть поговорка: «Кто однажды отведал камбала-гиганта, тот никогда с Черным морем не расстанется».

Слов нет, хороша рыбка, хоть и страшновата на вид. Бросишь на стол такую — полстала займет коричневая лешка. Спина у камбалы грязно-коричневого цвета, утыкана шипами, а брюхо белое, гладкое, точно сыромятой кожей подшито. Трот перекошено, оба глаза на один бок посажены. Урод да и только! А подождать тебе на тарелку кусок на постном масле, с лучком пожаренный — замочишь от удовольствия...

Мы, курсанты волеозащитного училища, оценили камбалу очень скоро.

Подводную практику проходили мы тогда в Новороссийске, на затонувших в годы революции в Цемесской бухте судах. Трудно вспомнить, кто из молодых волеозащитов открыл, что камбалу можно ловить голыми руками. Только все мы немедленно стали страстными подводными охотниками и в первые же два дня завалили кока рыбой. Слитком уж полагалась камбала на свою защитную окраску!

Но вот доставлять ее наверх было сложно. Работали мы на глубине в полсотни метров, и подниматься приходилось с большими выдержками, иначе заболел бы кессонной болезнью. Тут и с лустыми руками трудно, а когда надо еще следить, чтобы добыча не ускользнула, — и подавно... В

конце концов начальник училища категорически запретила нам заниматься этим «спрыском».

Но не так-то просто было отказаться от охоты!

И мы распустили следующие образцы.

Пусть подниматься наверх вместе с «уловом» нельзя. Но ведь камбалу можно поймать и на крючок! И что за беда, если мы, находясь на грунте, надоумим ее проглотить наживку?..

Работала я как-то на затонувшем английском пароходе, груженном всякой всячиной. Корпус парохода темной скалой возвышался над песчаной галькой морского дна. Кем только не нассены был этот подводный терем! Надстройки, остатки такелажа — все было покрыто водорослями, ракушками.

Всмотрелась внимательно в эти заросли — и увидела, как в них копошатся, ползают, плавают тысячи рачков, медуз и личинок...

По телефону сказали:

«Осталось пять минут... Закончи работу. Теперь надо было быстро поймать рыбку и нацепить ее на крючок снасти, забросившей в бот».

Почти сразу же я заметила камбалу небольших размеров, а за ней еще две такие же. Я хотел уже наступить на одну из них, как увидел четвертую и сразу понял, что это — настоящая камбала-гигант. Она лежала неподвижно, плоская, круглая, усыпанная на спине костистыми шипами, очень похожая издала на чугуную крышку уличного люка. Я начал подходить к ней, стараясь не делать ни одного лишнего движения...

Однако рыбина оказалась умнее своих более мелких сородичей: почти не поднимаясь над песчаным дном, она проплыла в сторо-

ну от меня метра четыре и снова улеглась на песок. Теперь мне захотелось поймать именно эту камбалу, только эту! Я так увлекся охотой, что совершенно забыл о подъеме и лишь кричал в микрофон:

— Братцы! Дайте слабишу шланга и сигнала... Я должен ее поймать!..

Наконец я настиг ее и придвинул сразу двумя подошвами. При этом мне пришлось вытравить на скафандре почти весь воздух, чтобы стать тяжелее, иначе она сбросила бы меня на песок, как лошадь сбрасывает неумелого ездока.

Запустил ее под жабы палынь, я поволок ее туда, где спускался на дно моя снасть. Но стоило только взяться мне за крючок, как произошло то, чего по нашему уговору никак не допускалось: кто-то там, наверху, изо всех сил сделал подсеку, и крючок вошел в руку моей рубахи.

Особой беды было совсем не просто. Я не мог дотянуться до крючка, стал дергать за поводок и в конце концов оборвал его около самого крючка... Оставалось только одно: привязать рыбку к обрывку. Прodel я поводок под жабы и завязал надежный, морской узлом. Теперь можно было подниматься.

Еще сквозь иллюминатор я увидел, что на борту находится сам начальник волеозащитного училища...

— Гм... гм... — начал он, когда с меня стаяли рубаху. — Я вот хотел у вас спросить, товарищ курсант. Вы, случайно, не знаете, кто в настоящее время обучает рыбу в Цемесской бухте вязать морские узлы?

«Все было ясно. Начальнику оставалось только назвать цифру, на сколько дней курсант Шманкевич оставлен без увольнения на берег... Оправдаться не было никакого смысла, но все же я попытался кое-что сделать для смягчения приговора и сказал:

— Я не могу удержаться, товарищ капитан первого ранга. Как увидел этот экземпляр, так сразу решил, что надо изловить для нашего волеозащитного музея. Можно, думаю, будет заспиртовать, а то чудило сделал».

Начальник еще раз осмотрел камбалу и говорит:

— Что ж, пожалуй, это разумно... Эспонат выйдет на славу. Ну, рыв вам изловить, то, вероятно, вы и возьметесь сделать чудило... Сутки пять вам хватит на это дело?..

— Что вы, товарищ капитан первого ранга! — воскликнула я. — Я бы за один сутки управился...

— Не люблю торопливости. Даво трое суток. Вот так. Вопросы есть?

Вопросов у меня не было.

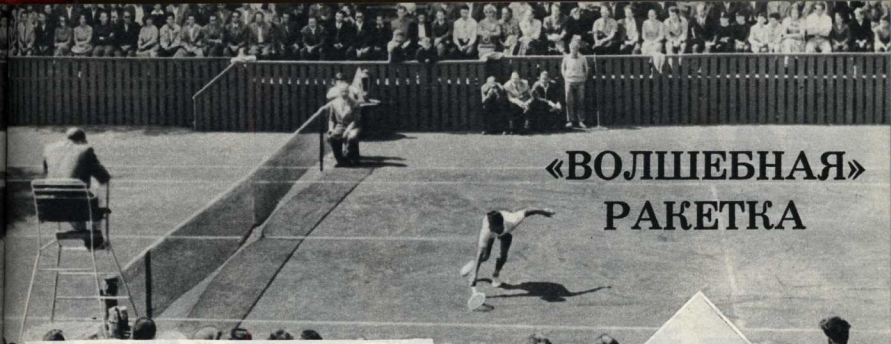
Но так давно «Смена» рассказала о теннисисте Тома-се Лейусе, который уже в пятнадцать лет получил звание мастера спорта, а спустя два года стал победителем всеюсоюзных зимних соревнований по теннису. Прошло всего несколько месяцев, и страна узнала о новой победе спортсмена. На международном соревновании сильнейших советских и зарубежных теннисистов, проходившем в Риге, талантливый юноша завоевал приз Совета Министров Латвийской ССР.

См. «Смену» № 10 за 1959 год.

Такой мяч не страшен...

«ВОЛШЕБНАЯ» РАКЕТКА

Те, кому довелось быть на рижском турнире, надолго запомнят поистине виртуозную игру Тоомаса Лейуса: его удивительную подвижность, ловкость, молниеносную реакцию на самые трудные и неожиданные атаки. Надо было видеть, с какими мастерством провела Тоомас встречу с немецким Мозером, который за два дня до этого победил шестикратного чемпиона страны Сергея Андреева. Михаил Мозер, этот опытный мастер ракетки, не раз вступавший в единоборство с известными спортсменами, не выдержал стремительного натиска семнадцатилетнего таллинского школьника и

проиграл ему со счетом 6:3, 6:1, 6:0!

— У него волшебная ракетка! — пошутил кто-то из зарубежных друзей.

— Добавьте к этому, и замечательное спортивное будущее, — сказал чехословацкий теннисист П. Корда.

Да, перед Тоомасом Лейусом открыта широкая дорога к спортивным достижениям. Он неустанно совершенствует свое мастерство. И не случайно на турнире теннисистов в Уимблдоне Тоомас Лейус одержал еще одну победу: он стал неофициальным чемпионом мира среди юношей. г. Рига.

Ничего, что чехословацкий теннисист П. Корда проиграл Тоомасу. Другаю от этого несколько не пострадала...

Перед началом игры...

Тоомас Лейус.

Тенет и фото
М. Муразова.

СОРЕВНУЮТСЯ

В спорте существует множество различных традиционных соревнований. Год назад и ним прибавилось еще одно — 30-километровый переход на приз журнала «Спортивная жизнь России». Это соревнование сразу же завоевало большую популярность. Если, например, в первом переходе стартовало около ста сильнейших скороходов страны, то во втором их уже насчитывалось свыше двухсот — из самых разных городов страны. К этому следует добавить, что состязания ходоков

на приз спортивного журнала в нынешнем году были включены в программу двух спартакиад — народов РСФСР и Москвы! Вот почему и рязанцы, и новгородцы, и сахалинцы, и новосибирцы, и туляки, и другие участники перехода, представлявшие несколько десятков областей Российской Федерации, Молдавии и Латвии, особенно настойчиво боролись за лучшие результаты.

Тон соревнованию задали чемпионы XVI Олимпийских игр Леонид Спириин, рекордсмены мира

Сергей Лобастов и Анатолий Ведяков, неоднократный чемпион СССР Михаил Лавров. Эта четверка до самого финиша сохранила преимущество, которое, по мере пройденных километров, все увеличивалось. Но самым вопиющим и выносливым оказался воронежец М. Лавров. Он первым под рукописания зрителей пересек линию финиша. 30-километровую дистанцию победитель прошел за 2 часа 22 минуты 51 секунду. Интересно заметить, что обычному пешеходу на это потребовалось бы не менее шести часов.

Переходный командный приз вновь достался первой команде Москвы.

На снимке: скороходы возле питательного пункта. На первом плане — олимпийский чемпион Леонид Спириин, за ним — победитель перехода Михаил Лавров.

Фото Л. Бородулина.

СКОРОХОДЫ...

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЗАЩИТА

Howard

ЭДВАРД ТАРЛОВ — АМЕРИКАНСКИЙ СТУДЕНТ, РЕДАКТОР

ские будни, и проблемы счастья и любви, и городские темы... Вот только он плохо переваривает политику.

— А теперь? Что теперь вы увидели по время пребывания здесь, в СССР?

— Что у нас все чудится. Что наши студенты получают государственные стипендии и могут пользоваться любимыми книгами в ваших богатых библиотеках...

— А куда вы едете после Советского Союза? Домой?

— Вы не знали этого раньше?

— Нет. Потом, я встретил на улице одного студента-электрика. — Продолжал Тарлов, — он сказал мне, что его брат, студент-юрист, учится сейчас за границей. И очень удивился, так как нам говорит все время, что это невозможно для советских студентов... И конечно, я в дороге от Большого театра...

— А вам не удалось посмотреть наш Большой, когда вы был в США?

— Нет, что вы! Я просто видел несколько дней и очереди, но так и не достал билета...

— Скажите, а чем питается ваш студенческий «Кроулинг»?

— Он не очень разборчив в пище: он ест и студенче-

— Нет, я поеду в Вену. — На фестивалы? — К сожалению, нет... И даже вернуться к Я. Изыд нельзя винить.

— А как вы относитесь к идее международных фестивалей молодежи?

— Это замечательно! Только плохо, что они проводятся в социалистических странах.

— Позвольте, но ведь Австрия, Вена, — это же не социализм!

— А это какой фестивал?

— Руминия, — отвечал я. — В страну этим цветом девушки руминились...

— Не хуже придирчивого экзаменатора! Егор Силым обстоятельно рассмотрел клочок пуха и безоговорочно решил, клочок-то синего цвета. По отщипавшему клочку определил, что рутью прожарен не баб. Не хуже придирчивого экзаменатора! Егор Силым обстоятельно рассмотрел, какие я лебезниченко растения и молча, по главному определителю певчих птиц.

Наконец мы подошли к открытой заросшей молинии. В гущу зарослей я обнаружил запершихся «барсучи ошей».

— Барсучки уши... Ешоты здесь поспели... — сказал я, осмотрев седела.

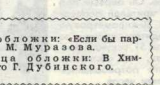
— То, что вы так тут много объясняли, — согласился дед. — А не споживши ли ты, Егор, здесь или это поганя ошювлялись?

Я в недоумении развел руками, как ни назвалось стран-

— Разве? А вы никогда думали, что Вена находится за так называемым железным занавесом... Вот это здорово!

— Да, это действительно здорово... Над этим можно посетовать в вашем журнале, Эдвард!

Рисунок из американского студенческого журнала «Гарвард Лампу».

— А теперь? Что теперь вы увидели по время пребывания здесь, в СССР?

— Что у нас все чудится. Что наши студенты получают государственные стипендии и могут пользоваться любимыми книгами в ваших богатых библиотеках...

— А вам не удалось посмотреть наш Большой, когда вы был в США?

— Нет, что вы! Я просто видел несколько дней и очереди, но так и не достал билета...

— Скажите, а чем питается ваш студенческий «Кроулинг»?

— Он не очень разборчив в пище: он ест и студенче-

ских свачнов в сторону, она останавливается. Тут-то сордяс на меня, топчет перья, колотит коготы и тут же издает гудяий выноготряемый то там, то здесь возмущаются ныльи.

Удив медных трав по поше. Вредны и приглядываю- сиюя пронодуя поугру. Как густо и узорно перепутал- сиюя, тут лесные цветы в зуговьях.

Утро уже на исходе, но на- ля в коридоре много птиц. Из-под самых ног вы- лязают сороронуты, желтые плашеч, дрозды... Взвух с треском вырывается блеску- че-черный псовец. Не успеваю проводить краснобрового черныша взглядом, как из куста раздаются страннелые звуки, напоминающие лай скарженногю пса.

— Кто это?

Было ясно, что лава не сошла, а пошла другой зверь. Однако определить, кто именно, я не мог, так как никогда подобного го- лоса не слышал. Остановив- сиюя, выжидаю минуту. Там ничего не видно, но страннелый лай повторяется. Попадает без ружья, выхо- дит опасно. Отступити назад до- бавляясь, выжидаю минуту. Ухахлявша из-за пояса охотничий нож и, рассчитывая на неог немеского зверя, с криком бросаю к кусту, что не все равно, как восточ- ниянок высказывал... Ишш- лия. Сделав несильно маху-

Пона я любовался изолата- ми, стоящая неподвижно ку- стами, «сачику» еще два раза. Сомнений не оста- вилось. Вскрипав своим глосом, она хотела отбу- жать меня от своих заблуж- дений.

Кто же научил эту крохот- ную птичку колючую? Попробовать даю тавого «странного» зверя, как охотничий истинный.

Скоро еще жардос в жо- вой природе! И если ты встретишь кто одну из них, то не все равно, как восточ- ниянок высказывал, она оста- нется в памяти, дороже всего охотничьего трофея.

ЛЕСНАЯ ЗАГАДКА

Хорошо знал, что лесник Егор Силым — страстный охотник-следопыт, и попросил его взять меня с собой в поход. Старики согласились, но в шутку замечали:

— Только не объясняй, когда спрашивать буду, как ты в родной природе разоб- равшись.

И вот на многие версты вперед перед нами раскину- тые светлые горы, моховые бора, темные сальники. Весе- ду, куда ни глянь, высокие деревья, безудержно бушует цветот, густо растут, медвяные травы.

Прислушиваясь и приглядываюсь во всему, Егор Силым вдруг останавливался и спрашивал меня:

— А это какой цветот?

— Руминия, — отвечал я. — В страну этим цветом девушки руминились...

— Не хуже придирчивого экзаменатора! Егор Силым обстоятельно рассмотрел клочок пуха и безошибочно решил, клочок-то синего цвета. По отщипавшему клочку определил, что рутью прожарен не баб. Не хуже придирчивого экзаменатора! Егор Силым обстоятельно рассмотрел, какие я лебезниченко растения и молча, по главному определителю певчих птиц.

Наконец мы подошли к открытой заросшей молинии. В гущу зарослей я обнаружил запершихся «барсучи ошей».

— Барсучки уши... Ешоты здесь поспели... — сказал я, осмотрев седела.

— То, что вы так тут много объясняли, — согласился дед. — А не споживши ли ты, Егор, здесь или это поганя ошювлялись?

Я в недоумении развел руками, как ни назвалось стран-

— А это какой цветот?

— Руминия, — отвечал я. — В страну этим цветом девушки руминились...

— Не хуже придирчивого экзаменатора! Егор Силым обстоятельно рассмотрел клочок пуха и безошибочно решил, клочок-то синего цвета. По отщипавшему клочку определил, что рутью прожарен не баб. Не хуже придирчивого экзаменатора! Егор Силым обстоятельно рассмотрел, какие я лебезниченко растения и молча, по главному определителю певчих птиц.

Наконец мы подошли к открытой заросшей молинии. В гущу зарослей я обнаружил запершихся «барсучи ошей».

ним, кругом болели разбро- санные рубяные топи. Коде- жде залезли головы ошей и алохоние кросты шук.

Мне было известно, что где-то в этом крае есть большое озеро. Но каким обо- зом лесные зверья слоты приспосаблились ловить в нем ошей и шук, столько я ни думаю, а догадаться не смог.

— Ну что же — с зарпото- чен сарвенностью паразит в загляде лесник! Раз я нашел загляду, победим поведем жа- нибудя отвед.

За опыником началось дре- мучее черное лес. Дальше, на крутом взгорке, возвы- шались чупельнящие ошей. В се раскинутой ироне еше издали виднелось, что- то напоминающее огромную шапку гнездо. Когда во- дошни бже, то и гнездо ошей дае очень крупные птицы чело-бурого цвета с желтым пятном. Это бы- ли орляны-белобелоты.

Сильно густой орешни преобразил в лесне. В нос узарил резкий запах гнию- щей рыбины и поводом дере- вьям, выжидая полурасклеван- ные вай, шук, ошун.

Весь лес неслыно на- залось необычным, загадоч- ным, таперт объяснелось. Выкаривая отпавших рыбок, орляныне заблужденны чело- носат ее озера так много, что орляна еше не поедает и, сбрасывая остатки да- зельно. Пронырившие зверья и птицы, заблужденны ромились питьяса за счет молодых орлянов.

П. СТЕФОРОВ

г. Сумы.

Лампу». Тарлов приехал в Советский Союз как турист, но как журналист не смог пройтись мимо нашего молодецкого журнала...

Всесуду с Эдвардом Тарловым мы задали ему несколько вопросов.

— Что вы знали до приезда в СССР о советских студентах?

— Почти ничего. Только после ваших спутников, когда сильно возрос интерес к Советскому Союзу, я нача- л стал появляться различ- ные материалы о преимуще- стве вашего образования над аме- риканским, что, по-моему, не лишено оснований...

Первая страница обложки: «Если бы парни здесь звали...» Фотограф М. Жуков. Четвертая страница обложки: В Химкинском речном порту. Фото Г. Дубинского.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление В. Урина.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат — Д 3-3024. Отделы — рабочей молодежи, литературы и иску- ства — Д 3-31-63, студенческой молодежи — Д 3-30-24, очерна и публицистики, физкультуры и спорта, информации — Д 3-30-90, оформления, иллюстрации — Д 3-34-22.

А 06517. Подписано и печатно 18/VII 1959 г. Тираж 450 000 экз. Изд. № 1161. Заказ № 1512. Формат бумаги 70х108см.

Редакторы: Г. Гуля, Е. Домитсовский, Н. Жуков, И. Зонов, М. Луконин.

Технический редактор О. П. Зюрова.

1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Редакторы: Г. Гуля, Е. Домитсовский, Н. Жуков, И. Зонов, М. Луконин.

Технический редактор О. П. Зюрова.

1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Венские Картинки...

Рисованы
Ю. КАНДИНОМ
в 1954 году

Дуэт...

Давай прикрутить!

На своём небе...

Встреча медиков

- Вы здоровы, коллеги! -

Каждый виден по слову...

